

КНИГА С ИСТОРИЕЙ

ПАСХА

ЧУДЕСНЫЕ ИСТОРИИ

Книга с историей

Сборник

Пасха. Чудесные истории

«Издательский Дом Мещерякова»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Сборник

Пасха. Чудесные истории / Сборник — «Издательский Дом Мещерякова», — (Книга с историей)

ISBN 978-5-00108-913-1

Пасха, Светлое Христово Воскресение... Звон церковных колоколов, сотни зажжённых в храмах свечей, крестный ход, торжественное пение церковного хора с ликующими словами «Христос Воскресе!»... В каждом доме на столах пасхи, куличи и крашеные яйца... Пасха всегда была и остаётся важнейшим и самым светлым праздником всех христиан. А для писателей, чьё детство прошло в дореволюционной России, днём, который оставил в их душе незабываемое впечатление, временем, когда смиряется душа и забывается «и вражда, и злоба, и горе».

Христос Воистину Воскресе!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00108-913-1

© Сборник
© Издательский Дом Мещерякова

Содержание

Александра Ишимова	6
Антон Чехов	9
Мария Толмачёва	14
Александр Куприн	24
Клавдия Лукашевич	27
Клавдия Лукашевич	43
Сергей Аксаков	51
Надежда Лухманова	54
Константин Ушинский	63
Степан Кондурушкин	64

Пасха. Чудесные истории

Рассказы русских писателей

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2022

Александра Ишимова

Божья верба

Тихие вешние сумерки... ещё на закате небо светлеет, но на улицах темно. Медленно движутся огоньки горящих свечек в руках богомольцев, возвращающихся от всенощной ¹. Зелёный огонёк движется ниже других... Это у Тани в руках, защищённая зелёной бумагой, свечка теплится.

Вот и домик с палисадником... Слава богу, добрались благополучно. «Не погасла, не погасла у меня! – радостно шепчет Таня. – Как я рада!..»

– Давай, Танечка, мы от твоей свечки лампадку зажжём, – предлагает няня. – А вербу я у тебя над постелью прибью... До будущей доживёт... Она у тебя какая нарядная – и брусничка, и цветы на ней!..

– А почему, няня, ты вербу Божиим деревом назвала?..

– Христова печальница она, – оттого и почёт ей такой, что в церкви Божией с ней стоят... Это в народе так сказывают. Раньше всех она зацветает – своих ягнят на свет Божий выпускает...

– Расскажи, няня, про Божье дерево, – просит Таня.

– Да что, матушка моя, – начинает няня, – так у нас на деревне сказывают... что как распяли Христа на кресте, – пошёл трус ² по земле, потемнело небо, гром ударил, вся трава к земле приникла; а кипарис весь тёмный-растёмный стал; ива на берегу к самой воде ветви опустила, будто плачет стоит... А верба и не вынесла скорби – к земле склонилась и увяла...

¹ Всенощная – праздничное богослужение в канун больших христианских праздников, которое длится всю ночь.

² Трус – здесь: землетрясение.

БУДЬ ЖЕ ТЫ ВЕСТНИЦЕЙ МОЕГО ВОСКРЕСЕНИЯ.
ЗАЦВЕТАЙ РАНЬШЕ ВСЕХ НА ЗЕМЛЕ...

Три дня, три ночи прошли – воскрес Господь-Батюшка наш Милосердный. И шёл Он тем путём, смотрит – кипарис от горя потемнел, ива – плачет стоит. Одна осина прежняя осталась; завидела Его, задрожала всеми листочками, да с той поры так и дрожит, и зовут её в народе осинкой горькою... А увидел Христос, что верба завяла и иссохла вся, – поднял Он её, Милостивец, – зацвела верба краше прежнего.

«Ну, – говорит Господь, – за твою любовь великую и скорбь – будь же ты вестницей Моего Воскресения. Зацветай раньше всех на земле, ещё листвой не одеваешься!»

Так и стало, матушка моя, – и почёт ей, вербе, поныне на свете больше других деревьев!..

– Какая она славная, вербочка!.. – тихо шепчет Таня. Потом задумчиво снимает вербу со стены и говорит: Няня... я её поставлю в воду... Пусть она оживёт... А потом мы её пересадим в палисадник, хорошо?

Антон Чехов

На Страстной неделе

– Иди, уже звонят. Да смотри не шали в церкви, а то Бог накажет.

Мать суёт мне на расходы несколько медных монет и тотчас же, забыв про меня, бежит с остывшим утюгом в кухню. Я отлично знаю, что после исповеди мне не дадут ни есть, ни пить, а потому, прежде чем выйти из дому, насильно съедаю краюху белого хлеба, выпиваю два стакана воды. На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная, молодая зелень. В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнухов быстро несутся по воде, кружатся и цепляются за грязную пену. Куда, куда плывут эти щепочки? Очень возможно, что из канавы попадут они в реку, из реки в море, из моря в океан... Я хочу вообразить себе этот длинный, страшный путь, но моя фантазия обрывается, не дойдя до моря.

Проезжает извозчик ³. Он чмокает, дёргает вожжи и не видит, что на задке его пролётки повисли два уличных мальчика. Я хочу присоединиться к ним, но вспоминаю про исповедь, и мальчишки начинают казаться мне величайшими грешниками.

«На Страшном суде их спросят: зачем вы шалили и обманывали бедного извозчика? – думаю я. – Они начнут оправдываться, но нечистые духи схватят их и потащат в огонь вечный. Но если они будут слушаться родителей и подавать нищим по копейке или по бублику, то Бог сжалятся над ними и пустит их в рай».

Церковная паперть ⁴ суха и залита солнечным светом. На ней ни души. Нерешительно я открываю дверь и вхожу в церковь. Тут в сумерках, которые кажутся мне густыми и мрачными, как никогда, мною овладевает сознание греховности и ничтожества. Прежде всего бросаются в глаза большое распятие и по сторонам его Божия Матерь и Иоанн Богослов. Паникадила ⁵ и ставники ⁶ одеты в чёрные, траурные чехлы, лампадки мерцают тускло и робко, а солнце как будто умышленно минует церковные окна. Богородица и любимый ученик Иисуса Христа, изображённые в профиль, молча глядят на невыносимые страдания и не замечают моего присутствия; я чувствую, что для них я чужой, лишний, незаметный, что не могу помочь им ни словом, ни делом, что я отвратительный, бесчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всех людей, каких только я знаю, и все они представляются мне мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу; церковные сумерки делаются гуще и мрачнее, и Божия Матерь с Иоанном Богословом кажутся мне одинокими.

За свечным шкафом стоит Прокофий Игнатьич, старый отставной солдат, помощник церковного старосты. Подняв брови и поглаживая бороду, он объясняет полусёпотом какой-то старухе:

– Утренняя ⁷ будет сегодня с вечера, сейчас же после вечерни. А завтра к часам ⁸ ударят в восьмом часу. Поняла? В восьмом.

³ Извозчик – кучер наёмного экипажа.

⁴ Паперть – крытая площадка перед входом в православную церковь.

⁵ Паникадило – большой многоярусный светильник, висящий на цепях под куполом храма.

⁶ Ставник – большой подсвечник.

⁷ Утренняя, заутреня – церковная служба, совершаемая рано утром.

⁸ Часы – здесь: богослужение.

А между двух широких колонн направо, там, где начинается придел ⁹ Варвары Велико-мученицы, возле ширмы, ожидая очереди, стоят исповедники... Тут же и Митька, оборванный, некрасиво остриженный мальчик с оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами. Это сын вдовы подёнщицы ¹⁰ Настасьи, забияка, разбойник, хватающий с лотков у торговки яблоки и не раз отнимавший у меня бабки ¹¹. Он сердито оглядывает меня и, мне кажется, злорадствует, что не я, а он первый пойдёт за ширму. Во мне закипает злоба, я стараюсь не глядеть на него и в глубине души досаую на то, что этому мальчишке простятся сейчас грехи.

Впереди него стоит роскошно одетая красивая дама в шляпке с белым пером. Она заметно волнуется, напряжённо ждёт, и одна щека у неё от волнения лихорадочно зарумянилась.

Жду я пять минут, десять... Из-за ширм выходит прилично одетый молодой человек с длинной, тощей шеей и в высоких резиновых калошах; начинаю мечтать о том, как я вырасту большой и как куплю себе такие же калоши, непременно куплю! Дама вздрагивает и идёт за ширмы. Её очередь.

В щёлку между двумя половинками ширмы видно, как дама подходит к аналою ¹² и делает земной поклон, затем поднимается и, не глядя на священника, в ожидании поникает головой. Священник стоит спиной к ширмам, а потому я вижу только его седые кудрявые волосы, цепочку от наперсного креста и широкую спину. А лица не видно. Вздохнув и не глядя на даму, он начинает говорить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шёпот. Дама слушает покорно, как виноватая, коротко отвечает и глядит в землю.

«Чем она грешна? – думаю я, благоговейно посматривая на её кроткое красивое лицо. – Боже, прости ей грехи! Пошли ей счастье!»

Но вот священник покрывает её голову епитрахилью ¹³.

– Аз, недостойный иерей... – слышится его голос, – властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих...

Дама делает земной поклон, целует крест и идёт назад. Уже обе щеки её румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

«Она теперь счастлива, – думаю я, глядя то на неё, то на священника, простившего ей грехи. – Но как должен быть счастлив человек, которому дано право прощать».

Теперь очередь Митьки, но во мне вдруг вскипает чувство ненависти к этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым... Заметив моё движение, он бьёт меня свечой по голове, я отвечаю ему тем же, и полминуты слышится пыхтение и такие звуки, как будто кто-то ломает свечи... Нас разнимают. Мой враг робко подходит к аналою, не сгибая колен, кланяется в землю, но, что дальше, я не вижу; от мысли, что сейчас после Митьки будет моя очередь, в глазах у меня начинают мешаться и расплываться предметы; оттопыренные уши Митьки растут и сливаются с тёмным затылком, священник колеблется, пол кажется волнистым...

Раздаётся голос священника:

– Аз, недостойный иерей...

Теперь уж и я двигаюсь за ширмы. Под ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу к аналою, который выше меня. На мгновение у меня в глазах мелькает равнодушное, утомлённое лицо священника, но дальше я вижу только его рукав с голубой подкладкой, крест и край аналая. Я чувствую близкое соседство священника, запах его рясы, слышу

⁹ Придел – пристройка православного храма.

¹⁰ Подёнщик – человек, которому по дням оплачивали временную работу.

¹¹ Бабки – косточки для одноимённой игры.

¹² Аналой – высокий столик, на который во время богослужения кладутся церковные книги, иконы.

¹³ Епитрахиль – часть облачения священника – длинная полоса ткани с крестами, которую надевают на шею так, чтобы она свешивалась спереди и сзади.

строгий голос, и моя щека, обращённая к нему, начинает гореть... Многого от волнения я не слышу, но на вопросы отвечаю искренне, не своим, каким-то странным голосом, вспоминаю одиноких Богородицу и Иоанна Богослова, распятие, свою мать, и мне хочется плакать, просить прощения.

– Тебя как зовут? – спрашивает священник, покрывая мою голову мягкой епитрахилью. Как теперь легко, как радостно на душе!

В ЦЕРКВИ ВСЁ ДЫШИТ РАДОСТЬЮ, СЧАСТЬЕМ И ВЕСНОЙ

Грехов уже нет, я свят, я имею право идти в рай! Мне кажется, что от меня уже пахнет так же, как от рясы, я иду из-за ширм к дьякону ¹⁴ записываться и нюхаю свои рукава. Церковные сумерки уже не кажутся мне мрачными, и на Митьку я гляжу равнодушно, без злобы.

– Как тебя зовут? – спрашивает дьякон.

– Федя.

– А по отчеству?

– Не знаю.

– Как зовут твоего папашу?

– Иван Петрович.

– Фамилия?

Я молчу.

– Сколько тебе лет?

– Девятый год.

Придя домой, я, чтобы не видеть, как ужинают, поскорее ложусь в постель и, закрывши глаза, мечтаю о том, как хорошо было бы претерпеть мучения от какого-нибудь Ирода ¹⁵ или Диоскора ¹⁶, жить в пустыне и, подобно старцу Серафиму ¹⁷, кормить медведей, жить в келии ¹⁸ и питаться одной просфорой ¹⁹, раздать имущество бедным, идти в Киев. Мне слышно, как в столовой накрывают на стол – это собираются ужинать; будут есть винегрет, пирожки с капустой и жареного судака. Как мне хочется есть! Я согласен терпеть всякие мучения, жить в пустыне без матери, кормить медведей из собственных рук, но только сначала съесть бы хоть один пирожок с капустой!

– Боже, очисти меня, грешного, – молюсь я, укрываясь с головой. – Ангел-хранитель, защити меня от нечистого духа.

На другой день, в четверг, я просыпаюсь с душой ясной и чистой, как хороший весенний день. В церковь я иду весело, смело, чувствуя, что я причастник, что на мне роскошная и дорогая рубаха, сшитая из шёлкового платья, оставшегося после бабушки. В церкви всё дышит радостью, счастьем и весной; лица Богородицы и Иоанна Богослова не так печальны, как вчера, лица причастников озарены надеждой, и, кажется, всё прошлое предано забвению, всё прощено. Митька тоже причёсан и одет по-праздничному. Я весело гляжу на его оттопыренные уши и, чтобы показать, что я против него ничего не имею, говорю ему:

– Ты сегодня красивый, и если бы у тебя не торчали волосы и если б ты не был так бедно одет, то все бы подумали, что твоя мать не прачка, а благородная. Приходи ко мне на Пасху, будем в бабки играть.

Митька недоверчиво глядит на меня и грозит мне подолой кулаком.

А вчерашняя дама кажется мне прекрасной. На ней светло-голубое платье и большая сверкающая брошь в виде подковы. Я люблю её и думаю, что когда я вырасту большой, то непременно женюсь на такой женщине, но, вспомнив, что жениться – стыдно, я перестаю об этом думать и иду на клирос ²⁰, где дьячок уже читает часы.

¹⁴ Дьякон – помощник священника.

¹⁵ Ирод – царь Иудеи, жестокий правитель, приказавший убить всех младенцев города Вифлеем.

¹⁶ Диоскор – отец святой Варвары, заперший дочь в башне, а затем отдавший её на мучения за христианскую веру.

¹⁷ Серафим – преподобный Серафим Саровский.

¹⁸ Келия, келья – жилище монахов.

¹⁹ Просфора – освящённый пшеничный хлебец, который употребляют при причащении.

²⁰ Клирос – место для певчих в церкви на возвышении перед алтарём.

Мария Толмачёва Тасина Пасха (отрывок из повести «Как жила Тася»)

В эту зиму минуло Тасе семь лет, и она собиралась в первый раз в жизни говеть ²¹. Она очень гордилась этим, учила молитвы и очень огорчилась, когда не удалось.

Дня за два до Страстной ²² промочила Тася на «вербах» ²³ ножки, заболело горлышко, сделался жар, и о том, чтобы в церковь идти, нечего было и думать.

И только в Страстной четверг, когда все собрались яйца красить, позволила мама и Тасе одеться и выйти в столовую.

В доме уже пахло праздником: горничная, высоко подоткнув платье, домывала окна, няня усердно тёрла мелом образа, а мама в сторонке мелко резала миндаль и цукаты, и Коля то и дело подбегал к ней полюбоваться.

Ещё немножко слабенькая, Тася присела к столу, на котором Маня, в большом переднике, разводила в стаканах разные краски. А вот и Даша с усилием тащила большую кастрюлю только что сваренных, дымящихся яиц.

– Мне эту! Эту дай краску! Я хочу, чтоб у меня яичко синенькое вышло! – кричит Тася.

Что за интересное дело! Яички выходят одно лучше другого. Тася сосредоточенно поливает их ложкой, чтоб они вышли ровные, без пятен, но Коле скоро надоедает делать своё дело, как все: он то обмакнёт своё яйцо сперва в один цвет, а потом в другой, а то один конец оставит белым и красит только наполовину; и на чистом месте выведет ХВ.

– Mamочка, ты подари мне несколько яичек, я хочу всем сделать сама по яичку, чтобы христосоваться! ²⁴ – просит Тася.

И когда мама позволила, отобрала себе на тарелочку самых чистеньких и красивых и принялась за дело. Папе сделала жёлтенькое, а Коля пририсовал красную звезду и буквы ХВ. Для мамочки в пёстренькой бумажке с бабочкой посередине. Мане и Коле по одинаковому красненькому, чтоб никому не завидно было, няне – лиловенькое. И вдруг вспомнила:

– А Мише-то? – и задумалась на минутку.

Потом соскочила с места и подбежала к маме.

– Mamочка, не грех, если я и с Мишей похристосуюсь?

Мама задумчиво посмотрела на неё и улыбнулась легонько.

– Не грех, детка!

Так Тася для всех яиц наготовила и стала с нетерпением праздника ждать.

– Самый это большой, самый радостный день, одно слово Светлое Воскресение! – говорила ей няня. – Всякая тварь радуется, солнышко играет!

– А ты что это, нянечка, делаешь? – спросила Тася, следя, как ловкими руками делала что-то няня над Маниным белым платицем.

– А вот оборочки плохи! К заутрене Христовой готовлю!

²¹ Говеть – поститься и посещать церковные службы.

²² Страстная, Страстная неделя – последняя неделя перед Пасхой, в это время соблюдается особенно строгий пост в честь страданий Христа.

²³ На «вербах» – церковная служба на Вербное воскресенье – последнее воскресенье перед Пасхой; праздник посвящён торжественному въезду в Иерусалим Иисуса Христа.

²⁴ Христосоваться – троекратно целоваться в знак поздравления с праздником Пасхи.

«Я ХОЧУ, ЧТОБ У МЕНЯ ЯИЧКО СИНЕНЬКОЕ ВЫШЛО!» – КРИЧИТ ТАСЯ

Тася вдруг вспомнила, как в прошлом году перед Пасхой мама рано укладывала Маню с Колей спать, приговаривая:

– Не ляжете, не разбужу вас к заутрене!

И как потом рассказывали дети, как весело было ночью идти в церковь. Вспомнила, тряхнула решительно головкой и побежала к маме.

– Вот я говеть не могла, так к заутрене я непременно пойду! – объявила Тася твёрдо, в то же время нерешительно и неуверенно заглядывая маме в глаза.

А та стояла в это время в кухне и, раскрасневшись, растирала желтки с сахаром, и её рука двигалась так быстро, что нельзя было рассмотреть. На мгновение она остановилась и поглядела на дочку.

– Ну что ж! Пожалуй, если уж тебе так хочется! – сказала она. – Тогда попроси няню и тебе белое платье разгладить.

Тася взвизгнула, кинулась обниматься, чуть не сшибла на пол чашку с желтками и побежала объявить няне великую новость. Коля услышал и остался недоволен.

– Вот ещё! Всякую мелюзгу брать! – ворчал он. – Раскиснешь, нюни распустишь! Ведь мы в гимназическую церковь пойдём, мне перед товарищами стыдно будет!

– И пожалуйста!.. И совсем не раскисну! Ты сам раскиснешь! – обиделась Тася, отходя в сторону.

Полные всякой весёлой суеты прошли полтора дня. Настала суббота. Погода стояла ужасная: сыпал мокрый снег пополам с дождём, от ветра рябили лужи, и снежинки вертелись, как сумасшедшие.

– Ну, если к вечеру не будет лучше, я тебя не возьму в церковь, и не просись! – сказала мама Тасе.

Девочка испуганно посмотрела, но по маминому лицу поняла, что так и будет, что и просить не стоит.

И Тася убежала в гостиную, где никого не было, и стала молиться:

– Господи! Дай, чтоб снег прошёл! Дай, чтоб меня в церковь взяли! Я буду умная, дай, чтоб взяли!

Но вот уже стало смеркаться, пора было обедать, а снег всё шёл и таял, падая на мокрую грязную землю.

– Ну, дети, в семь часов вы лягте и постарайтесь заснуть, а в половине одиннадцатого я вас разбужу! – сказала мама.

– А я? – жалобно протянула Тася.

Мама усмехнулась.

– Ложись и ты! Может быть, погода ещё улучшится!

Тася печально побрела в свой уголок и на всякий случай стала на ночь укладывать кукол и зверей.

Последними взяла Мишку и новую фарфоровую собачку, купленную на «вербах», которая ей очень нравилась. Тут новая мысль вдруг пришла ей в голову. Она нерешительно поглядела на собачку, повертела её в руках, потом повернула голову к образу и прошептала:

– Вот если, Господи, я к заутрене пойду, так я эту собачку Коле подарю: ему очень хочется! – И, немножко успокоенная, она покорно легла в кровать.

Но в непривычный час ей не спалось, и всё нет-нет да откидывала Тася одеяло и слушала чутко, что делалось кругом, как раздвигали стол в столовой, как ходила взад и вперёд мама, принося что-то.

– Спи, спи, неугомонная! – ворчала няня, – что ты всё вертишься?

– Да я не могу, нянечка, – жалобно пискнула Тася, – мне не спится!

– Ну, так лежи!

Тася повздыхала и решила ещё немножко полежать, а потом пойти посмотреть, что делается за окном.

Кругом было тихо, няня тоже задремала на своей кровати, мама ушла в спальню. Тася смотрела, смотрела перед собой, потом всё стало как-то мешаться, глазки её слиплись, и она заснула.

А между тем время шло. Мама в последний раз оглядела стол, приготовленный для разговенья²⁵, и заглянула в окно. Снега больше не было, всё было тихо.

«Пора будить детей!» – подумала она. Но Маня уж проснулась сама и, сидя на кровати, расчёсывала свою длинную косу. Коля тоже бодро вскочил. Тогда мама подошла к Тасе. Девочка крепко спала, сжавшись в комочек.

– Жалко будить! – сказала мама, проводя рукой по её спутанным волосам.

– Ничего, мамочка, буди! – вступилась Маня. – А то, если мы без неё уйдём, она потом плакать будет! – И, наклонившись над сестрёнкой, она проговорила: – Таська, вставай, в церковь пора!

Но та только промычала что-то и зарылась носом в подушку. Тогда мама легонько стала тормошить её, но крепок первый детский сон – не просыпалась Тася.

Няня озабоченно поглядывала издали, потом вступилась и она.

– Давайте-ка я попробую голубушку мою побудить. А то поздно, одеваться ведь пора!

Обхватила няня вялое детское тельце и посадила Тасю на кровати. Тася открыла глазки, посмотрела на всех удивлённо, ничего не понимая, потом опять повалилась на подушку.

– Ну вот! Я ведь так и знал, что она не сможет идти! – сказал Коля. – Пусть спит! А нам пора!

– Я совсем не сплю! – неожиданно выговорила Тася, вдруг снова садясь на кроватке и усиленно моргая слипающимися глазками. – Я это так! нарочно!..

Дети покатались со смеху, но мама услала их одеваться, а няня тем временем натянула Тасе чулочки, надела туфельки и обтёрла сырым полотенцем сонное личико.

²⁵ Разговляться – после завершения поста есть запрещённую во время поста пищу.

СТАРАЙСЯ, ЧТОБЫ И НА ДУШЕ У ТЕБЯ БЫЛО ТАК ЖЕ ХОРОШО, НЕ ССОРЬСЯ
НИ С КЕМ

Тася глянула на висевшее на стуле белое платице, и ей стало весело, и глаза уж не закрывались больше.

– А ты скорей, скорей, матушка, – торопила её няня, – сейчас в колокол ударят!

Распустила ей няня косичку, насадила на маковку голубой бант, и побежала Тася по комнатам.

Странно так было: ночь, а никто не спит!

Сунулась она в столовую и ахнула. Подошла поближе к обеденному столу, чтобы разглядеть всё получше: куличи с разноцветными цветами, облитые белой и розовой глазурью, толстый окорок, от которого так вкусно пахло, яички пёстрые и много ещё чего другого.

Только что хотела Тася отковырнуть изюминку от ближнего кулича, как вбежала Маня.

– Таська! Куда ты пропала? Ведь мы уж идём!

Спустились все с лестницы, пахло влажным ночным воздухом. Любопытно глядела Тася вокруг. Никогда ещё в жизни не была она ночью на улице, даже жутко немножко было. Но всё было как всегда: ехали извозчики, шли люди, только магазины были закрыты.

Скоро приехали в Колину гимназию.

В огромной передней, около вешалок, было так много народа, что Тася оробела. Молча дала себя раздеть, искоса посматривая на передних дам, негромко разговаривавших между собой. Коля сейчас же убежал от них, и, проходя по коридору, Тася увидела в стеклянные двери множество гимназистов, которые шумно разговаривали между собой. Потом их поставили парами и повели наверх. Поднялись за ними и Тася с мамой по широкой лестнице и вошли в церковь.

Пахло ладаном, перед иконостасом горели и мигали, как звёздочки, огоньки свечей, что-то басом читал диакон, потом звонко и согласно запели гимназисты с клироса. Тася улыбнулась: ей понравилось.

Потом все взяли свечи, дали и Тасе, и она осторожно держала её и смотрела, как чуть колебался и вытягивался светлый огненный язычок. Но, взглянув на маму, спохватывалась, начинала креститься и кланяться низко, как няня. Прислушиваясь к тому, что пели на клиросе, она узнавала иногда слова из выученных молитв и радовалась им, как знакомым.

Вдруг всё зашевелилось, из алтаря вышел священник, гимназисты один за другим чинно понесли образа и красивые золотые хоругви²⁶; и пошёл, потянувшись вон из церкви крестный ход, и мало-помалу затихло пение вдаль. Тася осталась в опустевшей церкви и недоумевающе посмотрела на маму.

– Они сейчас вернутся! – успокоительно шепнула ей та.

И правда, вот уж слышно снова движение за закрытыми дверями, вдруг раскрылись они, и звонко и победно грянул хор:

«Христос воскрес из мёртвых! смертью смерть поправ...»

Широко открыла Тася глазки, даже дух немножко захватило от странной, непонятной радости, глянула на маму, а у той тоже светлое, радостное лицо. Наклонилась она к дочке:

– Христос воскрес, детка! – и поцеловала три раза.

Да и кругом все целуются. Смешно и весело! совсем особенно как-то! Сияющими глазами смотрит Тася вокруг, поют певчие так радостно, старенький священник уж не раз выходил из алтаря и говорил всем:

– Христос воскрес!

И вся церковь отвечала ему:

– Воистину воскрес!

²⁶ Хоругви – полотнище с изображением Христа и святых на длинном древке, которое носят во время крестного хода, церковных шествий.

И Тася тоже говорила, сначала тихонько, потом во весь голос радостно крикнула, так что дама, стоявшая рядом, поглядела на неё и улыбнулась.

Заутреня кончилась, и хоть Маня и просилась остаться на обедню, мама забрала детей и уехала домой.

Ярко горели лампы во всех комнатах, точно ждали гостей. В столовой кипел самовар. Мама поспешила усадить Тасю за стол, кругом шумели и говорили старшие, звенела посуда, но Тася вяло всё ниже клонила головку, и ей трудно было даже пить свой чай.

Едва помнила она, как пришла няня и увела её спать.

Зато наутро проснулась Тася раньше всех, даже няня ещё сладко посапывала в своём уголке. Села Тася на кровати, весело оглянулась кругом.

– Сегодня Пасха! – сказала она себе тихонько, улыбнулась и, как была, в длинной рубашечке, босиком, осторожно перебежала в «своё царство» на ковёр, где тоже крепко спали ещё все игрушки.

И вдруг радостно пискнула и поспешно наклонилась к кукольному низенькому столику: пасочка на нём стояла крошечная и тоже с цветочком наверху, куличик с кулачок и яички пёстрые сахарные на блюдечке.

Не феи ли добрые здесь ночью побывали?! Знает Тася, какие феи!

Вот праздник и для её деток! Пора их будить!

Первого взяла Мишу старенького, вынула его из кровати, где под вязаным одеяльцем спал он вместе с фарфоровой собачкой. Поцеловала его три раза в облезлую любимую мордочку и нарядила в чистую, красивую рубашечку, что чисто выстирала и выгладила няня уж несколько дней тому назад. Посадила к столу и дала ему яичко самое крупное.

Рядом хотела поставить собачку, да вдруг вспомнила и так и застыла с протянутой рукой... Ведь её она обещала отдать Коле, если приведётся попасть на заутреню...

Неужели же так и отдать? Ах, как жалко! Может быть, оставить? Ведь никто не знает?

Поставила собачку около Мишки, вон ей тут как уютно, и Миша её любит. А Коля только разобьёт, пожалуй. Пусть уж стоит – никто не узнает!

Потом кукол подняла, одела в лучшие платья и вокруг стола рассадилась. Красиво вышло так, что хоть картину пиши. Только на собачку старалась не смотреть: неприятно как-то было...

А тут и няня проснулась, подивилась на Тасю и потащила её одеваться. Вбежал Коля.

– Таська, ты встала? Одевайся скорее, будем после чаю яйца катать ²⁷. И Петя обещал прийти, я просил пораньше!

– Сейчас, сейчас! – ответила Тася, не глядя на брата.

«Отдай собачку! отдай собачку!» – настойчиво твердил ей внутри какой-то голос.

²⁷ Яйца катать – пасхальная игра, во время которой крашенные яйца скатывают по жёлобу из картона или дерева, как с горки, или катают по полу; цель игры – сбить своим яйцом как можно больше разложенных у жёлоба предметов.

ВБЕЖАЛ КОЛЯ: «ОДЕВАЙСЯ СКОРЕЕ, БУДЕМ ПОСЛЕ ЧАЮ ЯЙЦА КАТАТЬ»

«Не отдам», – упрямо ответила ему Тася и даже головой тряхнула.

– Ай-ай! – сейчас же закричала она, потому что в это время как раз няня чесала ей волосы. – Ай, няня, зачем ты меня дёргаешь?

– Сама, матушка, головой трясешь! Нешто я тебя дёргаю? – удивилась няня.

– Конечно ты! – сердито ответила Тася.

– Али с левой ножки встала? – усмехнулась няня. – Зачем в такую рань поднялась, спала бы!

Немного надутая вышла девочка в столовую, но вид нарядного стола опять развеселил её.

Вошла мама, ещё раз похристосовалась и подарила огромное красное яйцо, а в нём курочки, цыплятки и красивый, длиннохвостый петушок. Расставила их Тася вокруг чашки своей, покрошила кулича немножко и сама за чай принялась.

– Какая ты сегодня беленькая, чистенькая! – ласково сказала ей мама. – Старайся, чтобы и на душе у тебя было так же хорошо, не ссорься ни с кем, не капризничай!

Тася потупилась, покраснела, и невкусным вдруг стал кулич с миндалём и изюмом.

Все понемножку разошлись из-за стола, а Тася всё сидела и задумчиво крошила корочку.

– Таська, что же ты? Иди же! – позвал её Коля.

– Отстань! – ответила она ему, соскочила со стула и побежала искать маму.

Мама была в кухне и совещалась о чём-то с Дашей.

– Мамоchка, – тронула её Тася за руку, – а мамочка! Если кто обещал, так надо непременно чтобы сделал?

– Да, да, непременно! – скороговоркой ответила мама, на минуту переставая говорить с кухаркой.

– А если кто не сделает, так он плохой? Даже если никто не узнает? Да? – настойчиво допрашивала Тася, теребя мать за руку и стараясь снизу заглянуть ей в глаза.

Мама вдруг обернулась, внимательно посмотрела на неё и сказала:

– Конечно, плохой! А чтоб никто не узнал, этого не бывает: Бог-то ведь знает! Да тебе это зачем?

– Так! низачем! – ответила Тася и убежала. Она прямо вбежала к себе в детскую, схватила, не глядя, собачку и побежала искать Колю.

Тот сидел в столовой на полу и делил на три кучки деревянные яйца.

– На! – ткнула его Тася собачкой в руку.

Коля обернулся и удивлённо посмотрел на собачку.

– Зачем это? – спросил он.

– На, возьми себе! – повторила Тася, не подымая глаз.

Коля взял и подозрительно посмотрел на сестру.

– Что это тебе вздумалось? Ведь это твой любимый пёсик!

Тася стояла перед ним вся красная, на ресницах её блестели слёзы.

– Я обещала! – прошептала она.

– Кому?

– Да вот вчера, когда погода была плохая, я сказала: Господи, если я поеду к заутрене, так эту собачку Коле отдам! Вот и бери теперь! – И она твёрдо посмотрела на брата.

Тот кивнул головой.

– Да, это ты верно сделала! – И он задумчиво повертел в руках игрушку. – Только вот что: я её теперь возьму и назад тебе подарю. Ведь так можно? – И он прелукаво усмехнулся.

– Я думаю, можно! – улыбнулась во весь рот и Тася.

– Ну, конечно, можно! Если собачка моя, так ведь я кому хочу, тому и дарю... Ах, звонят! – прервал он себя. – Это, наверно, Петя!

И, сунув собачку обратно Тасе в руки, он помчался в переднюю навстречу своему другу.

А Тася нежно прижала собачку к груди, забрала со стола новые игрушки и, сияющая, побежала в детскую показывать их няне.

Александр Куприн Пасхальные колокола

Быстро-быстро промчались впечатления вчерашнего дня и Великой ночи: плащаница²⁸ в суровой холодной темноте собора, воздержание от еды до разговения, дорога в церковь, в тишине и теплоте апрельского синего вечера, заутреня, крестный ход, ликующая встреча восставшего из Гроба Христа, восторженное пение хора, подвижная, радостная служба, клир²⁹ в светлых сияющих парчовых ризах³⁰, блеск тысяч свечей, сияющие лица, поцелуи; чудесная дорога домой, когда так нежно сливаются в душе усталость и блаженство, дома огни, добрый смех, яйца, кулич, пасха, ветчина... глаза слипаются; в доме много народа, поэтому тебе стелют постель на трёх стульях, поставленных рядком; погружаешься в сон, как камень падает в воду.

Утром проснулся я, и первое, ещё не осознанное впечатление большой – нет! – огромной радости, которой как будто бы пронизан весь свет: люди, звери, вещи, небо и земля. Побаливает затылок, также спина и рёбра, помятые спаньём в неудобном положении на жёсткой подстилке, на своей же кадетской шинельке с медными пуговицами. Но что за беда? Солнце заливает тёплым текучим золотом всю комнату, расплёскиваясь на обойном узоре. Господи! Как ещё велик день впереди, со всеми прелестями каникул и свободы, с невинными чудесами, которые тебя предупредительно ждут на каждом шагу!

Как невыразимо вкусен душистый чай (лянсин императорский!) с шафранным куличом и с пасхой, в которой каких только нет приправ: и марципан, и коринка, и изюм, и ваниль, и фисташки. Но ешь и пьёшь наспех. Неотразимо зовёт улица, полная света, движения, грохота, весёлых криков и колокольного звона. Скорее, скорее!

На улице сухо, но волнующе, по-весеннему, пахнет камнем тротуаров и мостовой, и как звонко разносятся острые детские крики! Высоко в воздухе над головами толпы плавают и упруго дёргаются разноцветные воздушные шары на невидимых нитках. Галки летят крикливыми стаями... Но раньше всего – на колокольню!

²⁸ Плащаница – покрывало с вышитым изображением тела Христа, которое используют в церковных пасхальных обрядах.

²⁹ Клер – общее название для церковнослужителей.

³⁰ Риза – верхнее облачение священника при богослужении.

НЕОТРАЗИМО ЗОВЁТ УЛИЦА, ПОЛНАЯ СВЕТА ДВИЖЕНИЯ... КОЛОКОЛЬНОГО
ЗВОНА

Все ребятишки Москвы твёрдо знают, что в первые три дня Пасхи разрешается каждому человеку лазить на колокольню и звонить, сколько ему будет удобно. Даже и в самый большой колокол!

Вот и колокольня. Темноватый ход по каменной лестнице, идущей винтом. Сыро и древне пахнут старые стены. А со светлых площадок всё шире и шире открывается Москва.

Колокола. Странная система верёвок и деревянных рычагов-педалей, порою повисших совсем в воздухе, почти наружу. Есть колокола совсем маленькие: это дети; есть побольше – юноши и молодые люди, незрелые, с голосами громкими и протяжными: в них так же лестно позвонить мальчугану, как, например, едучи на извозчике, посидеть на козлах и хоть с минуту подержать вожжи. Но вот и он, самый главный, самый громадный колокол собора; говорят, что он по величине и по весу второй в Москве, после Ивановского ³¹, и потому он – гордость всей Пресни.

Трудно и взрослому раскачать его массивный язык, мальчишкам это приходится делать артелью ³². Восемь, десять, двенадцать упорных усилий и наконец – бам-м-м...

Такой оглушительный, такой ужасный, такой тысячезвучный медный рёв, что больно становится в ушах и дрожит каждая частичка тела. Это ли не удовольствие?

Самый верхний этаж – и вот видна вокруг вся Москва: и Кремль, и Симонов монастырь, и Ваганьково, и Лефортовский дворец, и синяя изгибистая полоса Москва-реки, все церковные купола и главки: синие, зелёные, золотые, серебряные... Подумать только: сорок сороков! И на каждой колокольне звонят теперь во все колокола восхищённые любители. Вот так музыка! Где есть в мире такая? Небо густо синее – и кажется таким близким, что вот-вот дотянешься до него рукою. Встревоженные голуби кружатся стаями высоко в небе, то отливая серебром, то темнея.

И видишь с этой верхушки, как плывут, чуть не задевая за крест колокольни, пухлые серьёзные белые облака, точно слегка кружась на ходу.

³¹ Речь идёт о колоколе на колокольне Ивана Великого на Соборной площади Москвы.

³² Артель – объединение людей для какой-то совместной работы.

Клавдия Лукашевич

Первый день Светлого Христова Воскресения

(отрывок из повести «Моё милое детство»)

В детстве первый день Пасхи мы всегда, как я уже сказала, проводили у бабушки с дедушкой.

Теперь, уже много-много лет спустя, этот день мне всегда представляется особенным. Мне кажется, что он всегда бывал ясным, светлым, радостным. На лазурном небе ярко сияло солнце; особенно весело и призывно чирикали птицы в вышине; беспрерывно благостно гудели колокола церквей. Улицы казались чище. Народу на улицах шло и ехало великое множество. Все были такие нарядные, весёлые... То и дело открывали друг другу искренние объятия и говорили радостно: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!»

Было ли так всегда, не знаю; может быть, я многое запомнила.

Путешествие в первый день Пасхи к бабушке и дедушке бывало для нас, детей, ежегодным большим событием, целым паломничеством³³. Ведь мы жили из года в год так тихо, уединённо в своём скромном гнёздышке, точно ограждённые от всего мира огромной стеной. И потому каждое новое, самое маленькое событие в нашей жизни надолго выбивало нас из однообразной колеи и оставляло неизгладимый след, о котором бывало много разговоров и воспоминаний.

За несколько дней до нашего похода, ещё на Страстной неделе, шли приготовления. Мама старательно дошивала нам новые платья и передники. Нянечка что-то всё укладывала в свой огромный ковровый красный «ридикюль»³⁴, как она его называла. Улучив свободную от дела минутку, она нас наставляла. Мы ведь оставались у бабушки без неё гостить на дня три-четыре.

– Во всём слушайтесь, мои птички, бабушку, тёток... Будьте вежливыми и скромными. Лидинька, милушка, не возись с собаками и кошками. Не то исцарапают тебя... Пожалуй, и новое платье изорвёшь... А главное, с тётей Сашей не спорьте... Помните, что она постарше вас...

– Тётя Саша сердитая, – замечает сестра.

– Ничуть не сердитая... Если и скажет какое слово с горячности... Часто и сама бывает, голубушка, не рада... Да уж слова не вернёшь... – говорит няня.

– Как же, нянечка, ты сама часто говоришь, что тётя Саша «характерная»... И она всегда сердится, – напоминаю я своей старушке.

– Ну да, «характерная»... Я и не отпираюсь, что говорила... Значит, у неё характер такой... А вам, маленьким деточкам, нечего об этом вспоминать...

И няня опять нас долго наставляет.

– А ты, Беляночка, моё золотце, не связывайся с Дуняшкой, не слушай её рассказней.

– Нянечка, она такая смешная! Всегда всё перепутает... Бабушке и дедушке говорит «ты», а про себя «мы»... Как смешно она про свою деревню рассказывает и какие смешные слова говорит.

При одном воспоминании о Дуняше, молоденькой бабушкиной прислуге, мы с Лидой заливаемся весёлым громким хохотом.

Но няня недовольна:

– Она – простая деревенская глупенькая девчонка... А вы – высокородные барышни... И нечего вам её деревенские небылицы слушать.

³³ Паломничество – путешествие, чтобы ознакомиться с достопримечательностями, святыми местами.

³⁴ Ридикюль – женская ручная сумочка в виде мешочка.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ К БАБУШКЕ БЫВАЛО ДЛЯ ДЕТЕЙ
ЕЖЕГОДНЫМ СОБЫТИЕМ

Мы обещаем не связываться с Дуняшей и не слушать её деревенских рассказней. Но ведь так трудно выполнить это обещание. Забудешь – и чего-чего, бывало, не наслушаешься от наивной деревенской девчонки.

– Нянечка, а какие-то нынче дедушка яички покрасил? – вспоминаем мы.

– Ну уж, конечно, всего придумал наш забавник... Умный, знающий человек ваш дедушка... И голова на плечах крепкая, и руки золотые.

Нам казалось очень смешным, как говорила няня о дедушке, будто у него голова крепкая и руки из золота... Смотришь, бывало, на него и дивишься... Но он, действительно, был таким.

– А мальчишки дедушкины придут «Христос воскрес» петь?

– Конечно, придут. Мальчишки у него – первые гости. Без них никакой праздник не обойдётся.

– Пожалуй, тётя Саша рассердится на мальчишек...

Воспоминания так и встают, так и рисуют знакомые милые картины, уютный домик бабушки и дедушки и всё, что там приходилось переживать. Как-то там дедушкин Каштанка поживает? Чему он его ещё выучил? Наловил ли дедушка новых птиц? Куда он пойдёт на праздниках со своей «босоногой командой»? Какие стихи он переписал для мамы?

В жизни так много занятого, интересного, что, кажется, всего и не вспомнишь.

* * *

Как радостно просыпаться в первый день Светлого праздника!

– Няня! Нянечка! Одевай нас скорее, скорее! Ведь сегодня к бабушке и дедушке.

Мама и няня нас одевают и опять наставляют...

– Поздравьте всех... Скажите, что мы с папой гулять пошли и скоро придём, – говорит мама.

– Скорее бы, скорее, – твердим мы в радостном восторге.

Хотя с Петербургской стороны, где мы жили, до Васильевского острова, где жили бабушка и дедушка, было совсем недалеко – не более двух вёрст³⁵, – но для старушки и двух закутанных маленьких девочек пройти это расстояние казалось целым путешествием.

В то время по улицам Петербурга ходили огромные тряские общественные кареты³⁶, запряжённые тройкою тощих лошадей; эти рыдваны³⁷ назывались «щипинскими каретами». Часть нашего пути мы всегда совершали в такой карете, так как нанять извозчика считалось в нашей семье недопустимой роскошью. И у нас, так же и бабушка с дедушкой, решительно все члены семьи или ходили пешком, или ездили в дешёвых «щипинских каретах». Впрочем, это имело свои удобства и выгоды.

«Щипинские кареты» останавливались от нашей квартиры недалеко, шагах в 300, не более. Но папа сам шёл проводить нас до «кареты». Он нёс нянин красный «ридикюль» и заботливо усаживал нас в «карету». Он много раз наставлял няню, где надо слезать, осторожнее идти по улицам и вообще беречься. Он даже поручал нас вниманию кондукторов.

И мы наконец двигались в путь. Путешествие казалось нам необыкновенно длинным. Часть дороги мы ехали в «карете», но большую часть шли пешком.

Вот «щипинская карета» остановилась. Кондуктор помог нам вылезть. И мы двинулись тихонько дальше. Старушка няня еле-еле плетётся и тащит свой «ридикюль».

– Дай, нянечка, я понесу. Ты устанешь...

– Ну куда тебе, Беляночка!.. Тяжело ведь.

³⁵ Верста – старинная русская мера длины, чуть больше 1 километра.

³⁶ Общественная карета – конная карета с платными местами для пассажиров и регулярным маршрутом.

³⁷ Рыдван – старинная большая карета для дальних поездок, в которую впрягалось несколько лошадей.

– Мы вместе с Лидой.

– Нет, нет... Мне не тяжело... Теперь уж скоро.

Мы всё-таки с обеих сторон помогаем няне нести её «ридикюль» и думаем, что очень облегчаем ей ношу.

Настроение у нас самое радужное. Улица, люди, поцелуи на каждом шагу, пасхальный звон – всё это так радовало, так веселило.

В то далёкое время по улицам ходило очень много разносчиков³⁸; все они громко кричали. Кроме того, часто водили учёных медведей, которые показывали разные фокусы, учёных лошадок, собак. Или просто ходили клоуны, акробаты, петрушки, фокусники. Мы с няней непременно останавливались около каждого затейника, смотрели с восхищением и дома устраивали такие же представления.

* * *

Но вот мы почти и дошли до цели нашего путешествия. Мы заворачиваем в 15-ю линию Васильевского острова. Вон – вдали виднеется и милый серый двухэтажный деревянный домик с зелёной крышей и зелёными ставнями. При виде его так трепетно и радостно забьётся сердце. Там протекли счастливые дни нашего детства. Там научились мы хорошему. Жизнь в стенах этого домика представлялась нам раем.

С тех пор я люблю маленькие деревянные дома, окрашенные в серую краску, и непременно с зелёными крышами. Я всегда мечтала под старость иметь такой домик. «Сюда ко мне стали бы собираться мои внуки... Я бы стала им рассказывать сказки, учить уму-разуму», – мечтала я. Но это желание так и осталось мечтой.

Вот он, милый домик... Из-за забора виднеются берёзы и высокая жердь с клеткой для птиц. Это дедушкина затея. Он так любит птиц, ловит их в эту клетку. А зимою прикармливает везде, где только возможно.

– Ну так и есть! Окно уже у него выставлено. И около окна толпятся мальчишки, – говорит няня, прикрывая глаза рукою и всматриваясь вдаль.

– А дедушку ты видишь, нянечка?

– Конечно, он там же... Мыльные пузыри пускает... Мальчишки-то за ними гонятся... Ах, баловень большой, ах, хороводник! – ласково говорит няня.

– Он нас видит уже наверно.

– Видит, видит... Вон замахал рукой... Мальчишки засуетились, убежали.

– Вон тётя Манюша и тётя Саша бегут... А впереди Каштанка и Карошка! – радостно вскрикивает Лида.

Действительно, из калитки серого домика выбежали две девушки: одна очень маленькая, а другая высокая и тоненькая. Они стремительно направились в нашу сторону. Это были наши тётки. Тётя Манюша – та, что горбатенькая, очень маленького роста... Тётя Саша – высокая тоненькая блондинка.

Они бросаются к няне, христосуются, отнимают от няни «ридикюль». Каштанка и Карошка вертятся около нас как сумасшедшие, прыгают и стараются лизнуть в лицо то меня, то Лиду.

– Оставь, Машенька, мой «ридикюль». Разве можешь ты его нести? – говорит няня.

– Я мала, да сильна, нянюшка, – отвечает тётя Манюша и громко смеётся. Её огромные чёрные глаза сверкают весело и живо, а смех звучит совсем как у нашей мамы.

Дедушка выглядывает из окна и тоже смеётся. Мама и тётя Манюша очень на него похожи.

³⁸ Разносчик – продавец, торгующий вразнос товарами.

– Вот, моя старушка, и наши барышни жалуют... Здравствуйте, барышни... С великим Праздником!

Мы все христосуемся.

– Идите-ка ко мне, барышни, скорее пузыри мыльные пускать... С дымом, с мошками... – говорит дедушка.

– Ах, папенька, оставьте, пожалуйста, детей... Дайте им передохнуть с дороги... Ведь они ещё и бабушку не видели! – недовольным тоном проговорила тётя Саша.

– Слушаюсь, слушаюсь, «принцесса на горошинке», я их не трогаю... Я пошутил.

ВОТ ОН, МИЛЫЙ ДОМИК... ИЗ-ЗА ЗАБОРА ВИДНЕЮТСЯ БЕРЁЗЫ И ЖЕРДЬ С
КЛЕТКОЙ ДЛЯ ПТИЦ

Дедушка наш был оригинал, чудака, каких прежде было немало, а теперь совсем не бывает. Дедушка всегда нас называл «барышники» или «девицы». Этим он, конечно, хотел выразить, что нас особенно балуют, оберегают и нежат.

У калитки серого домика уже слышны радостные возгласы. Бабушка, тётя Надюша, Дуняша встречают нас на улице.

Все веселы, смеются, громко расспрашивают, целуют и ведут в комнаты. Громче всех раздаётся визгливый голос Дуняши. Она имела способность всегда хохотать и взвизгивать; за это ей очень часто попадало от тётки Саши.

– Ахти-матушки! Да дитятки наши приехали! Да миленькие, да пригоженькие! – вопила Дуняша и громко смеялась...

– Авдотья, утомись!.. – строго говорила тётя Саша.

– Да я на боярышень радуюсь... Я их раздену... Миленьких-то моих, пригоженьких моих...

– Иди, иди, Авдотья! Мы сами детей разденем...

Возгласы, радостные восклицания так и сыплются. Бабушка обо всём подробно расспрашивает няню: удались ли кулич и пасха? Здоровы ли родители? Что делали? Что шили? Когда придут дочь и зять? Почём всё покупали?

Нянечка почтительно обо всём докладывает и называет бабушку «сударыней».

Бабушка наша сегодня просто красавица. В первый день Пасхи и во все торжественные дни церковных и семейных праздников мы много-много лет видели бабушку и дедушку в одних и тех же одеждах. На бабушке надето широкое пёстрое шёлковое платье, на плечах шаль, а на голове белый чепец с лиловыми лентами. Дедушка в праздники надевал вицмундир³⁹ с массой каких-то медалей и орденов; при этом высокий воротничок с углами так странно подпирал ему голову. И казалось, что голову он держит особенно гордо, откинувши назад.

Дедушка был горбатый, невысокого роста; но он был здоровый, сильный, весёлый и бодрый человек. И горб его нисколько не портил.

– Сегодня бабушка – царица, а дедушка – царь, – шепчет мне Лида. На нашем условном детском языке это означает, что наши старички красивы, нарядны, торжественны.

– А мальчики дедушкины придут петь «Христос воскрес»? – спрашиваю я бабушку.

– Приходили уже, но Сашенька их не пустила. Придут позднее для вас...

Не успели мы ещё раздеться, как дедушка уже громко объявляет из своего кабинета:

– Моя босоногая команда идёт... Мальчики идут петь... Пустите моих мальчиков...

– Не важные гости! И подождут... Дети ещё и раздеться не успели... Покоя от этих мальчишек нет, – сердито говорит тётя Саша.

– Пустите их, Сашенька... Они пропоют и уйдут... И отец успокоится, – заискивающе обращается бабушка к дочери.

Раздаётся тихий звонок. Дуняша с визгливым возгласом «Ахти-тошеньки!» бежит открывать калитку. По деревянным мосткам дворика слышен топот детских ног.

Человек 12–15 мальчиков, самых бедных жителей Пятнадцатой линии Васильевского острова, вошли в залу. Эти бледные, худые, бедно одетые ребята – все друзья, закадычные приятели дедушки. Это его «босоногая команда», его «мальчишки» – как говорили тётки. В первый день Пасхи они всегда являлись петь «Христос воскрес», а в первый день Рождества – со звездою славить Христа.

Сколько возился с ними дедушка и как их любил, я расскажу после. Но тётки, особенно тётя Саша, не жаловали «этих мальчишек».

– Ноги вытирайте хорошенько! Опять на полах наследите! За вами вечно приходится грязь убирать! – слышится грозный оклик тётки Саши.

³⁹ Вицмундир – форменный фрак чиновников.

– Успокойся, Сашенька, они вытрут, вытрут! Я посмотрю за ними, – кротко говорит бабушка.

– Эх, принцесса, за моими ребятами грязь убрать – одна минута... И следа не останется. Главное – не было бы на душе черноты, – слышен голос дедушки из кабинета.

– Ах, папенька, оставьте вашу философию! От этих мальчишек ни в будни, ни в праздники покоя нет... Только вчера полы вымыли... – волнуется тётя Саша.

Толпа ребят, робко ступая, стесняясь, проходит в залу. И чистые детские голоса стройно поют «Христос воскресе», «Святися, святися, новый Иерусалиме».

Дедушка доволен. Он улыбается и сам подпевает своим мальчишкам. Затем он отводит бабушку в тёмную прихожую и что-то ей шепчет, указывая на ребят. Бабушка качает головой, не соглашается и указывает на тётю Сашу. Видимо, просьбы дедушки отклонены.

Он зазывает ребят в свой кабинет и оделяет их там яйцами и деньгами.

* * *

Мы так рады, что наконец-то в гостях у бабушки и дедушки. Восторга невозможно описать: мы не знаем, куда броситься, на что смотреть, о чём расспрашивать.

АХ, КАКИЕ ЧУДЕСНЫЕ, НЕВИДАННЫЕ ЯИЧКИ!
И КТО ИХ СДЕЛАЛ?

Лида обнимает и ласкает своих любимцев – двух огромных толстых котов и собак Каштанку и Каро. Я бегаю из залы в кухню, особенно крепко целую тётю Манюшу и бабушку. Вопросы так и сыплются:

– Как живут, не беспокоят ли квартиранты наверху? Что натворила нового Дуняша? Какие цветы посадил дедушка на своём дворике? Сколько он наловил птиц?

Ответы очень интересные.

– Дуняша недавно чуть не вымыла фортепиано мыльной мочалкой. Тётя Маня едва его спасла от её усердия... Дедушка поймал трёх новых птичек... А у канарейки в садке скоро будут птенчики.

Из кабинета дедушки ушли уже мальчики, и он зовёт нас.

– Барышни, идите ко мне! Я тут кое-что для вас приготовил.

– Подождите, папенька... Ведь мы ещё детей не одарили... – говорит тётя Саша.

И все дарят нам яички.

Тёти свои покрасили цветными лоскутками. Дуняша и та где-то раздобыла крашенные. А бабушка таинственно говорит:

– Смотрите, какие яички я приготовила моим внучаткам.

– Ах, какие чудесные, невиданные яички! Где вы достали их, бабушка? И кто их сделал?

Яички были, действительно, удивительные: белые, сахарные, точно хрустальные. Внутри была панорама. И там виднелась картина – Воскресение Христово.

В то время, да ещё в нашей бедной обстановке, такой подарок был большая редкость. Мы не могли налюбоваться затейливыми яичками.

Оказывается, среди дедушкиных мальчишек появились два брата – ученики кондитера. Они-то и принесли бабушке в подарок невиданные яички. После много лет эти мальчики дарили нам к Рождеству сахарных куколок, а к Пасхе – красивые сахарные яички. Теперь они уже старики и служат в лучших кондитерских Петербурга... И, наверно, вспоминают того, кто скрашивал их невесёлое детство – доброго друга, «советника», как они называли нашего дедушку.

Мы переполнены радостью и счастьем. Тётки нас ласкают, развлекают.

А бабушка с нянечкой сели в уголку и беседуют. Вся их жизнь, все интересы, радости, горести неразрывно слились вместе.

Невозможно себе представить старушек милее, добрее, чем бабушка и няня. Вот они склонились друг к другу и что-то говорят так живо, взволнованно, то улыбаются ласково, то их лица принимают грустное, тревожное выражение... Эти две головы пожилых женщин – само совершенство. Одна – барская в нарядной наклёке с лентами; другая – преданной слуги – в беленьком скромном чепце. Благодаря им старость мне всегда представлялась ласковой, нежной, полной снисхождения и мудрости. У нас в доме, чтобы ни случилось, мама первым делом говорила: «Надо пойти у маменьки спросить... Вот что маменька скажет... Как маменька посоветует». И во всех житейских недоразумениях она приносила домой бабушкины советы, умудрённые знанием и опытом...

Дедушка горячо любил бабушку. Он называл её то «седая красавица», то «Темирочка», иногда «Ташенька». Её звали Татьяна Степановна.

* * *

В торжественные праздничные дни в маленькой квартирке бабушки и дедушки всегда собирались родственники.

– А тётя Александра с дядей Лиодором придут? – спрашиваем мы.

– Конечно, придут к обеду.

Тётя Александра – родная сестра дедушки. Дядя Лиодор – её сын – студент. Собственно говоря, она приходилась нам бабушкой. Но она не любила и не позволяла себя так называть. Это была высокая красивая старушка с седыми локонами у висков. Нам она казалась очень строгой и важной: всегда всем делала замечания, говорила много о приличиях.

Однако я отвлеклась от своих воспоминаний... Ведь когда проживёшь долгую жизнь, так много картин и людей проходит перед глазами, как в панораме...

Дедушка настойчиво кричит из своего кабинета:

– Что же, девицы придут ко мне или нет? Отпустите вы их или нет?

– Идите, идите скорее к дедушке, – говорит бабушка и сама ведёт нас к двери кабинета.

– Он вам подарит по яичку... Сам ведь всё придумывал, возился и красил.

Наконец мы попадаем в таинственный дедушкин кабинет!.. Теперь нас только занимает корзинка с яйцами. Яички просто загляденье! Красные, жёлтые, зелёные, пёстрые – без рисунков и с рисунками. Вот с сердцем и пламенем, с якорем, с голубками, с цветами и с затейливыми рисунками. Они всегда лежат в круглой корзиночке на сене. Всё дедушка красил сам. И сам их дарит. Я выбираю с крестным ходом. По яичку видно, будто идёт масса людей, несут крест, образа и даже хоругви. Так же, как я видела в церкви в свою первую заутреню. И мне ужасно нравится это яичко. Я собираюсь беречь его долго-долго. Лида выбирает с двумя голубками, которые целуются...

– Может быть, барышни хотят покатасть яйца? – спрашивает дедушка. Он совсем не умел обращаться с нами и всегда говорил особенным тоном, нежным и ласковым, и гладил по головам так деликатно, точно фарфоровых куколок.

Но нам страшно катать яйца с дедушкой. Между тем с дедушкой играть очень весело и хочется испытать счастья.

– Только я это, с крестным ходом, и сахарное не стану катать, – предупреждаю я.

Дедушка смеётся.

– Я тоже сахарное не стану катать. И ещё тётино, – как эхо, повторяет Лида.

Разве возможно было не покатасть яиц в первый день Пасхи? Из года в год это было наше традиционное удовольствие. Мы всегда у дедушки с бабушкой катали яйца.

На полу в зале расстилалась большая старая ковровая шаль бабушки, посередине ставилась горка. Дедушка сам её делал. Бабушка, няня, тётки давали нам яички куриные и деревянные. И начиналась игра сначала с тётями. С ними играть было так весело... Если мы даже проигрывали, то они нам всегда возвращали выбитые яички.

Но вдруг отворялась дверь из кабинета, и появлялся дедушка. Он нёс корзину с яичками. Они так заманчиво пестрели в сене.

– А ну-ка, девицы, примите и меня в игру для праздника...

И все с прежним азартом продолжали игру.

Громкий, дребезжащий звонок на дворе прекращал всякие игры.

– Владимир Васильевич с Клавдёнкой! – радостно восклицала бабушка.

– Папенька и маменька! – вскрикивали мы.

Опять радостная встреча, возгласы, крики, поцелуи, расспросы и разговоры без конца...

А мы с Лидой уже вьёмся около бабушки и ласково спрашиваем:

– Бабушка, мы в кухне сегодня будем обедать?

– Что вы, деточки?! Разве можно... Сегодня праздник.

– В кухне лучше, чем в зале...

– Нельзя, нельзя... Что подумает ваш папа. Нехорошо в кухне...

– Папа, наверно, будет рад...

Милее, уютнее бабушкиной кухни мы ничего не могли себе представить... К нашему огорчению, накрывался большой стол в зале.

ЯИЧКИ ПРОСТО ЗАГЛЯДЕНЬЕ! КРАСНЫЕ, ЖЁЛТЫЕ, ЗЕЛЁНЫЕ, ПЁСТРЫЕ

А дедушка уже зазвал к себе в кабинет папу и маму.

– Идите скорее ко мне. Я вам новые стихи Пушкина прочту. Списал у одного чиновника. В кабинете слышится сначала монотонное чтение, а после звонкие взрывы смеха мамы. Как она смеётся! Так весело, звонко, заразительно закатывается, и ахает, и восторгается. И всем нам становится смешно, – не зная, в чём дело, мы смеёмся, слыша хохот мамы. Только одна тётя Саша недовольна:

– И чего так хохочет Клавденька... Наверно, папенька свои истории рассказывает...

А весёлый звонкий смех мамы раздаётся всё громче и громче. Она выбегает из кабинета взволнованная и раскрасневшаяся.

– Перепишу стишок из папенькиной тетради. Ах, какой прекрасный стишок! Папенька не может дать эту тетрадь домой.

Мама садится в уголок и списывает стихи.

Между тем в зале уже накрыт стол. Зала эта особенная. На окнах масса цветов, кругом окон зелёные плющи. На потолке более десятка клеток с птицами. У стены маленькое светло-жёлтое фортепиано, похожее на старинные клавикорды.

Все три тётки суетятся вокруг стола. Они накрывают стол. Тётя Саша и тётя Надюша всегда подают кушанья, угощают.

Но вот на дворе снова раздаётся дребезжащий звонок, снова быстрые шаги по мосткам, радостные возгласы, крики, поцелуи...

Пришла тётенька Александрина с дядей Лиодором.

Мы считали тётеньку Александрину очень важной, побаивались её и между собою с Лидой говорили, что она – «царица». Дедушка же гордился своей сестрой и не раз говаривал:

– Сестра Александрина – дама высшего круга. У неё знакомства – не нашим чета... Она с важными лицами знакома...

* * *

Больше всех мы любили тётю Манюшу.

В обществе сложилось мнение, что все горбатые – несправедливые, озлобленные люди. Не такова была наша тётя. Она, как и дедушка, была всегда весела, жизнерадостна и полна снисхождения и любви к людям.

– Я хочу быть любимой всеми... Я хочу приносить всюду с собою радость, – говорила не раз наша маленькая тётя, и её чудные чёрные глаза сверкали, как звёзды.

И её, действительно, все любили.

После праздничного обеда бабушки мы чаще всего оставались под присмотром тётки Манюши. Мы шли на двор. Что это был за дворик! Наверно, ни у кого никогда не было такого. Он всецело принадлежал к квартире дедушки.

Это было пространство в пять сажен ⁴⁰ в квадрате.

Справа деревянный навес. Под навесом лежали дрова и стоял большой сундук. Это была кладовая бабушки. Там хранилась провизия. И под навесом же были сделаны дедушкой для нас качели. Как весело и приятно было на них покачиваться. Это удовольствие мы получали только у дедушки.

Посредине двора красовалась большая клумба. И каких только цветов ни сажал дедушка... Летом эта клумба представляла собой огромный душистый букет. Около забора, который выходил на улицу, росли две кудрявые берёзки. С другой стороны, около хозяйского сада, росла рябина и стояла высокая жердь. На верху этой жерди висела клетка для ловли птиц. Клетку эту можно было поднимать и опускать при помощи особенного блока и верёвки. Как

⁴⁰ Сажень – старинная русская мера длины, чуть больше двух метров.

радовались мы, когда, бывало, дедушка на наших глазах вынимал из этой клетки новую птичку. Мы тогда не понимали, что «воля птице дороже золочёной клетки».

Однако я отвлеклась и забыла о дворике... По краям, у самого забора, тянулась гряда. Она заседалась укропом, салатом и редиской. А между ними росли мак и подсолнечники. Когда они цвели, это было красиво и так оживляло всю грядку. Головки мака и созревшие подсолнечники поступали в полное наше распоряжение.

К дому со двора вело крыльцо из пяти ступенек. Над крыльцом, на колоннах, был большой балкон. Он принадлежал хозяевам.

Бывало, тётя Манюша сидит на крыльце, а мы тут же прыгаем по ступенькам или играем в мяч... Иногда сражаемся с ней в нашу любимую игру «ручные хлопушки», которую мы сами придумали.

И вдруг сверху, с балкона, на верёвке спускается небольшая корзиночка...

Поднимешь голову... И видишь приветливые лица трёх старушек и старичка генерала. Старушки в локонах, как и тётя Александра. Это хозяин и его три сестры, старые девы. Они все улыбаются.

– Милым деточкам за благонравие и послушание ангел с неба принёс награду, – слышится ласковый голос.

Тётя Манюша выведет нас на середину двора и заставляет благодарить хозяев.

– Делайте книксен. Присядьте пониже... Наклоните головки, – учит она нас.

– Прекрасные, благовоспитанные деточки... И так всегда кротко, деликатно играют, – одобряют наше поведение хозяйки.

А нас больше всего интересует таинственная закрытая корзиночка. Такие корзиночки спускались сверху почти всегда, когда мы бывали у бабушки. Кроме того, весной хозяйки оделяли своих нижних жильцов букетами чудной сирени, летом – всевозможными цветами, а осенью – фруктами, ягодами и зеленью из своего огорода.

МИЛЫМ ДЕТОЧКАМ ЗА БЛАГОНРАВИЕ И ПОСЛУШАНИЕ АНГЕЛ С НЕБА ПРИ-
НЁС НАГРАДУ

Нам с Лидой не терпится. Хочется скорее, скорее рассмотреть корзинку, что в ней заключено... На дворе при хозяйках смотреть, конечно, неловко. И мы, не помня себя от радости, бежим к бабушке и няне. Они в кухне моют и убирают посуду.

– Бабусенька! Нянечка! Опять нам хозяйки корзиночку спустили. Они сказали, что это «ангел с неба принёс».

– Смотрите, смотрите, какая красота! Сколько всего...

И чего-чего не положено в эту корзиночку руками любящих детей женщин: непременно два крашеных яичка, два апельсина, леденцы, две фарфоровые фигурки (барашек и девочка), коробочки (от лекарств), наполненные бусами, цветные ленты и лоскутки, сеточки на головы и даже куски какого-то вкусного кекса.

Мы, конечно, в неопisanном восторге: разбираем, делим, всех угощаем... И надолго, надолго хватит нам радости забавляться этой корзиночкой...

Клавдия Лукашевич

Пасхальная ночь

(отрывок из повести «Босоногая команда»)

Лет тридцать тому назад на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь.

На Васильевском острове, в 15-й линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большей частью одноэтажные, с наружными ставнями у окон. Жили там люди небогатые: мелкие чиновники, неважные купцы, ремесленники, торговцы да фабричные, так как кругом было немало фабрик.

По воскресным и праздничным дням обитатели маленьких домов высыпали на улицу: по мосткам гуляли девицы, обняв друг друга за талии; в иных местах молодёжь играла в горелки, в пятнашки; босоногие ребята сражались в лапту, в городки, в бабки, а пожилые люди сидели у ворот на скамейках и вели долгие беседы. Всюду было просто и оживлённо.

Улицы в то время на Васильевском острове были не такие, как теперь: на них не было каменной мостовой, не было асфальтовых тротуаров, трава пробивалась всюду, где только ей не мешали, а посреди улиц тянулись высокие деревянные мостки.

В том году, о котором я теперь вспоминаю, Пасха была очень поздняя. Стоял конец апреля, и в природе давно уже повеяло ранней весной: всё оживало, всё пробуждалось от зимнего сна, чаще сияло и дольше оставалось на небе солнце; из-под таявшего снега бежали быстрые ручейки; около заборов там и сям между жёлтой прошлогодней травой пробивалась молодая, свежая травка; деревья покрывались почками, которые быстро развёртывались в маленькие, липкие, ярко-зелёные листочки; прилетевшие птицы звонко чирикали, приветствуя приход весны.

Наступила пасхальная ночь. Только раз в году и бывает такая ночь: чудесная, торжественная! Никто не спит в эту святую ночь: всюду движение, сборы, и сердце самого обиженного горемычного человека невольно наполняется тихой надеждой и радостью.

По улицам зажигались плошки; народ по всем направлениям шёл и шёл непрерывно; окна домов были освещены; православные собирались к Светлой Христовой заутрене...

В одном из подвальных этажей небольшого дома, по 15-й линии Васильевского острова, сырая, тёмная, низкая квартира отдавалась по углам. И там, где очевидно не красно жилось людям, в наступившую пасхальную ночь всё выглядело чище, спокойнее и радостнее. Во всех углах копошились жильцы, одеваясь в своё лучшее платье.

В первой комнате, за старой рваной ширмой только один из всех жильцов подвала никуда не собирался и лежал чуть ли не на голых досках, подложив себе под голову вместо подушки какое-то старое тряпье. Это был ещё не старый мужчина, исхудалый, бледный, со впалыми глазами, очевидно, больной. Он печально смотрел на мальчика, присевшего боком около него и опустившего голову.

– Надо бы, Гришута, сходить к заутрене, – тихо сказал больной.

Мальчик встрепенулся и встал. На вид ему было лет десять. Волосы у него торчали, будто у ежа, глаза были круглые-прекруглые, а довольно большой вздёрнутый нос придавал лицу и отвагу и задор. Но при всём том смотрел он прямо, и лицо его выражало доброту и ласку. Да и стоял-то мальчуган особенно, заложив руки за спину, выставив одну ногу вперёд и немного откинув набок голову.

– Не во что одеться тебе, Гриша!.. Да и сапог нет!..

– Не беда, батюшка... Можно и без сапог, нынче не холодно. Надену матушки-покойницы кофту чёрную.

– Ведь и шапки-то нет у тебя, сынок.

– Я, пожалуй, и платком повяжусь.

Отец тяжело вздохнул.

– Нет, это не ладно... Точно девчонка... Надень опять мою старую, всё же лучше...

Велика только – вся твоя голова в ней пропадёт...

– Ништо... Так ладно будет.

– Эх, горе моё! Сгубила нас с тобой, сынок, эта болезнь моя. Поди, помолись... Детская-то молитва скорее до Бога дойдёт.

– Пойду... Только как же ты-то останешься?

– Мне легче теперь...

Гриша достал из-под кровати корзинку, стал в ней шарить и одеваться.

– Какая сегодня служба-то великая идёт, – говорил сам с собой больной. – В храмах Божиих какие стихи поют, какие псалмы читают! А потом все люди, забыв зло и вражду, обнимут друг друга, скажут: «Христос Воскресе!»

– Батюшка, а батюшка!

Гриша посмотрел на отца и подумал: «Уж не заговаривается ли он?»

– У меня и трёх копеек нет тебе на свечу, – глухо сказал отец.

– Ништо... У меня есть огарышек. От Двенадцати Евангелиев⁴¹ остался... «Советник» дал. Увидел, что я стою без свечи, хлопнул легонько по плечу и свечку сунул... Я её берёг... Вот она...

Он встал с пола и вырос перед отцом в порыжелой женской кофте, с головой, ушедшей в старую барашковую шапку, которую он всё сдвигал назад. Как он был смешон! Но отец даже не улыбнулся.

А уморительный человечек в этой шапке и кофте вдруг схватил больного за шею, припал к нему на грудь головой и замер... Детская ласка везде одинаково мила – и в богатых домах, и в тёмном сыром углу. Больной ласкал и прижимал к себе дорогую ему голову в большой шапке и глотал подступившие к горлу слёзы.

– Нам и разговеться нечем... Нет и яичка красненького для тебя, Гриша.

– Не тужи, батюшка... Ништо... Я скорёхонько – и дома.

Мальчик скрылся за дверью.

⁴¹ Двенадцать Евангелий – церковная служба в четверг Страстной недели; во время службы читают 12 отрывков из Евангелий о страданиях и смерти Христа.

ВСЕ ЛЮДИ, ЗАБЫВ ЗЛО И ВРАЖДУ, ОБНИМУТ ДРУГ ДРУГА, СКАЖУТ: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!»

В другом углу того же подвала жила прачка-подёнщица. За тёмной ситцевой занавеской она снаряжала своих детей к заутрене. Дети оделись в старенькие, заплатанные платья. На простом белом столе стояли очень маленькая пасха, небольшой покупной кулич. И здесь жили бедно... Вдова-мать работала без отдыха, но ведь труд подёнщицы оплачивается плохо. Ей едва хватало, чтобы платить за сына в школу, чтобы есть каждый день, и то не досыта, да жить здесь в углу, в подвале.

– Мама, а разговеемся-то мы когда? – спросил подросток-мальчик в чистой ситцевой рубашке, бледный и высокий, с задумчивыми серыми глазами.

– Уж и ты, Стёпушка, словно маленький, – не дождёшься. Придём из церкви и разговеемся.

– Тогда и яичко красненькое дашь? – спросила девочка лет семи, как две капли воды похожая на брата.

– Одним мы разговеемся, а те завтра остальные дам.

– Вкусно! Так слюнки и текут! – проговорила улыбаясь девочка и тронула пасху пальцем.

– Не трогай! Что ты?! Ведь грешно, – остановила её мать и поспешно завязала пасху в чистый платок.

Немудрено, что здесь так нетерпеливо ждали разговенья: весь длинный пост они строго постились, ели впроголодь.

Семья лавочника, лавка которого красовалась на углу Малого проспекта и 15-й линии, тоже собиралась в церковь. Пятеро краснощёких детей и сама хозяйка разрядились пёстро и пышно. В чистую скатерть завернули огромный разукрашенный кулич, большую пасху с розовым бумажным цветком.

Хозяйка зачем-то пошла в сени. Поторопилась и в дверях столкнулась с входившим мальчиком.

– А, чтоб тебе!!! Не смотришь... Вечно налетишь!.. Кажись, всё платье оборвал. Так бы тебя, кажется...

И она изо всей силы двинула мальчика, тот отлетел в сторону.

– В церковь идёшь, к заутрене, а всё лаешься, – произнёс где-то в тёмных сенях мрачный детский голос.

– Хозяин! Иван Никитич! Поди-кось сюда. Послушай, как Андрюшка мне опять грубит... Зазнался! Покою от него нет! – кричала в сенях толстая хозяйка.

– Ужо я его... Сейчас иду... Позабыл мою науку, малец? Ужо я доберусь! – послышался в комнате звучный бас хозяина.

Андрюшка не так был прост, чтобы дожидаться расправы: он шмыгнул из сеней и живо очутился за воротами. Это был некрасивый, рыжий, косоглазый мальчик, круглый сирота и жил из милости у разбогатевшего лавочника, дальнего родственника. Не видел он ничего хорошего в скупой, думавшей только о наживе семье.

В наступающий Светлый праздник Андрюшка знал, что ни от кого не услышит ласкового слова: нет у него родной души, никому нет до него дела, он совершенно одинок.

В том же доме, где помещалась лавка, в мезонине в одной тесной комнате жил столяр, жена его, Марья Ивановна, была портниха.

В их комнатке всё дышало чистотой; перед большой божницей ⁴² ярко горела лампада.

Марья Ивановна принарядила свою единственную дочь Марфушу, посмотрела на неё и подмигнула мужу: тот с нежностью остановил на ней взор. Тёмная коса девочки была гладко причёсана и заплетена розовой ленточкой; румяное миловидное личико склонилось над тарелкой с яйцами; она что-то про себя шептала, указывая поочерёдно на каждое яйцо.

– Что ты там шепчешь? – ласково спросила мать.

⁴² Божница – полка для икон.

- Мамашенька, одного яичка не хватает. Как хотите... Посчитайте сами...
 - Что ты, Марфуша, да ведь там целый десяток.
 - Вам и папашеньке, бабиньке с дедушкой, тёте Ане, слепой Маврушке, дяде Антону, Грише, Стёпе и Аняте... А «советнику»-то?
 - Ишь ты как всех наградила! Откуда ж я тебе возьму? У меня больше нет.
 - Ну, мне не надо. Пусть её даёт, коли ей любо, – сказал, улыбаясь, отец.
 - Уж ты у нас, отец, баловник! Избалуеть дочку.
- Марфуша бросилась отцу на шею и звонко его поцеловала.
На улице в это время раздался первый пушечный выстрел.

Из калитки маленького деревянного старого дома с зелёными ставнями, выглядевшего чище других по 15-й линии, вышел высокий, несколько сгорбленный, но ещё бодрый старик в широкой шинели, в картузе с кокардой и с узелком в руках: там были кулич и пасха. Вместе со стариком вышла девушка, уже не первой молодости, высокая, худая, с длинным носом, в кринолине ⁴³, в маленькой круглой шапочке и суконной кофте.

Из отворенной калитки выглядывала старушка с седыми локонами и с накинутой шалью. Яркое пламя вспыхнувших около дома плошек осветило милое доброе лицо старушки с голубыми глазами, и гордую, серьёзную девушку, и старика. Высокие, туго накрахмаленные воротники заставляли его держать голову прямо, как будто бы важно. Из-под седых бровей смотрели весёлые чёрные глаза, молодые по выражению, которые совсем не подходили ни к седым волосам, ни к сгорбленной фигуре.

- Идите с Богом! За меня помолитесь. Я уж тут, дома... – тихо сказала старушка.
- Уходи, уходи, Темирочка, ещё простудишься. Закрывай калитку, – заботливо посоветовал муж.
- Я думаю, к двум часам и домой вернётесь. Ну, Господь с вами! – И старушка скрылась за калиткой.

⁴³ Кринолин – широкая юбка с вшитыми в неё обручами из китового уса.

Христосъ Воскресе.

«ВАМ И ПАПАШЕНЬКЕ, БАБИНЬКЕ С ДЕДУШКОЙ, ТЁТЕ АНЕ, ДЯДЕ АНТОНУ, ГРИШЕ, СТЁПЕ...»

А в это самое время мимо старика с его дочерью прошмыгнули два мальчугана, один в кофте и в большой шапке, а другой – высокий, худой.

– Опять эти мальчишки! – с ужасом и негодованием воскликнула девушка. – Никогда от вас покою нет. Кажется, видите – папенька к заутрене идёт... Понимаете?!

– Оставь, полно, Агнесочка... Они ведь ничего... Пускай идут вместе.

– Нет, папаша, увольте от этой милой компании. Дайте хоть в праздник вздохнуть свободно. Ваши мальчишки мне надоели до невозможности.

Старик замолчал. Мальчуганы перебежали на другую сторону. Там их поджидала целая компания маленьких оборванцев в стоптанных сапогах, а то и вовсе без сапог и в заплатанных пальто.

– «Советник» с «принцессой» в церковь пошли, – объявил один из мальчуганов.

– Он сказал что-нибудь? – пропищал тоненький голосок.

– Что он скажет?! Глупая! Просто пошёл к заутрене.

– Пойдёмте, ребята, в церковь!

Вся ватага двинулась вдоль улицы. Не одна пара детских глаз провожала с затаённым любопытством, с немой надеждой, многие – с лаской, шедшего по 15-й линии старика в картузе. От времени до времени он приподымал фуражку и приветливо кланялся ребятишкам.

– «Советник» к заутрене пошёл! – передавалось из одних детских уст в другие.

– С кем? – допытывались не видевшие.

– С «принцессой на горошинке».

– А «седая богиня»?

– Дома осталась. Только за калитку проводила.

– Он ничего не говорил?

– Что же он скажет?... «Принцесса» рассердилась, зачем мы его ждали... Прикрикнула... Он ей что-то шептал.

В это время раздался первый удар колокола в соборной церкви, его благостный призыв загудел, расстилаясь по воздуху... Ещё удар... Потом в другой церкви... Снова где-то дальше. И пошёл гулкий звон во всех церквях.

Ярче запылали плошки около церквей и домов... Усилилось движение на улицах. В церквях началась Светлая заутреня.

Много бедно одетых ребят, обитателей подвалов, конур и мезонинов, пробралось в ту церковь, куда прошёл «советник» с дочерью.

Дети протискивались вперёд, охотно ставили к образам свечи, когда им передавали, гасили огарки и посматривали по сторонам.

Дивно хороша пасхальная служба! Тысячи зажжённых свечей... Крестный ход, возвращающийся в церковь с радостным пением «Христос Воскресе!». Светлое облачение духовенства... Торжественное, ликующее пение – всё это оставляет неизгладимое впечатление, смиряет душу и заставляет позабыть и вражду, и злобу, и горе.

Рыжий Андрей стоял тоже в церкви, недалеко от Гриши. Оба они во все глаза смотрели на батюшку, когда он в конце заутрени вышел с крестом и, благословляя народ, три раза воскликнул: «Христос Воскресе!»

– Воистину Воскресе! – гулом пробежало по церкви...

Все стали друг с другом христосоваться.

Андрей и Гриша стояли одинокими... Все-то с родными, с близкими, а у них никого нет.

Мальчуганы взглянули в ту сторону, где стоял старик с чёрными глазами – «советник», как они его называли. А он, улыбаясь, уже подходил к ним, крепко обнял сначала одного, потом – другого, христосовался и гладил их сиротливые головы.

– Христос Воскресе, ребятки!

– Дяденька! Воистину Воскресе!

– Приходите завтра к окну. Я вам по хорошенькому яичку дам... а пока вот, возьмите... –

И, сунув мальчикам в руки по красному яйцу и по гривеннику, он поспешно отошёл к дочери. Начиналась обедня.

Сергей Аксаков

Детские годы Багрова-внука

(Отрывок)

С четверга на Страстной начали красить яйца: в красном и синем сандале ⁴⁴, в серпухе ⁴⁵ и луковых перьях; яйца выходили красные, синие, жёлтые и бледно-розового, рыжевато-розового цвета. Мы с сестрицей с большим удовольствием присутствовали при этом крашении. Но мать умела мастерски красить яйца в мраморный цвет разными лоскутками и шемаханским шёлком. Сверх того, она с необыкновенным искусством простым перочинным ножичком выскабливала на красных яйцах чудесные узоры, цветы и слова: «Христос воскрес». Она всем приготовила по такому яичку, и только я один видел, как она над этим трудилась. Моё яичко было лучше всех, и на нём было написано: «Христос воскрес, милый друг Серёженька!» Матери было очень грустно, что она не услышит заутрени Светлого Христова Воскресенья, и она удивлялась, что бабушка так равнодушно переносила это лишение; но бабушке, которая бывала очень богомольна, как-то ни до чего уже не было дела.

Я заснул в обыкновенное время, но вдруг отчего-то ночью проснулся: комната была ярко освещена, кивот ⁴⁶ с образами растворен, перед каждым образом, в золочёной ризе, теплилась восковая свеча, а мать, стоя на коленях, вполголоса читала молитвенник, плакала и молилась. Я сам почувствовал непреодолимое желание помолиться вместе с маменькой и попросил её об этом. Мать удивилась моему голосу и даже смутилась, но позволила мне встать. Я проворно вскочил с постели, стал на коленки и начал молиться с неизвестным мне до тех пор особым родом одушевлённым; но мать уже не становилась на колени и скоро сказала: «Будет, ложись спать». Я прочёл на лице её, услышал в голосе, что помешал ей молиться. Я из всех сил старался поскорее заснуть, но не скоро утихло детское моё волнение и непостижимое для меня чувство умиления. Наконец мать, помолясь, погасила свечки и легла на свою постель. Яркий свет потух, теплилась только тусклая лампада; не знаю, кто из нас заснул прежде. К большой моей досаде, я проснулся довольно поздно: мать была совсем одета; она обняла меня и, похристосовавшись заранее приготовленным яичком, ушла к бабушке. Вошёл Евсеич, также похристосовавшись со мной, дал мне жёлтое яичко и сказал: «Эх, соколики, проспал! Ведь я говорил тебе, что надо посмотреть, как солнышко на восходе играет и радуется Христову Воскресенью». Мне самому было очень досадно; я поспешил одеться, заглянул к сестрице и братцу, перецеловал их и побежал в тётушкину комнату, из которой видно было солнце, и, хотя оно уже стояло высоко, принялся смотреть на него сквозь мои кулаки. Мне показалось, что солнышко как будто прыгает, и я громко закричал: «Солнышко играет! Евсеич правду сказал». Мать вышла ко мне из бабушкиной горницы, улыбнулась моему восторгу и повела меня христосоваться к бабушке. Она сидела, в шёлковом платке и шушуне ⁴⁷, на дедушкиных креслах; мне показалось, что она ещё более опустилась и постарела в своём праздничном платье. Бабушка не хотела разгавливаться до получения петой ⁴⁸ пасхи и кулича, но мать сказала, что будет пить чай со сливками, и увела меня с собою.

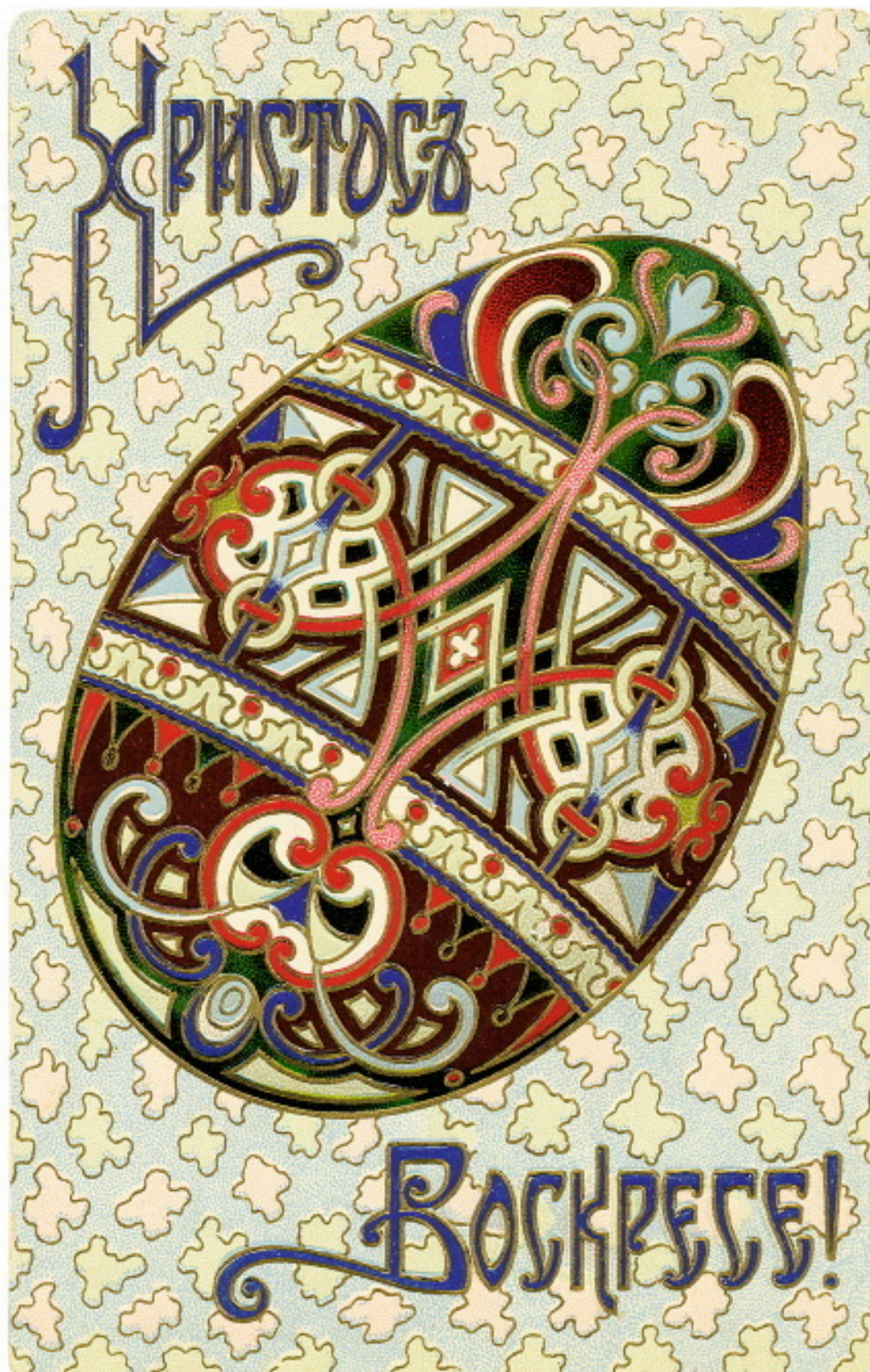
⁴⁴ Сандал – название растительных красящих веществ, которые получали из коры различных деревьев.

⁴⁵ Серпуха – растение семейства астровых; использовали для получения жёлтой и зелёной красок.

⁴⁶ Кивот, киот – шкафчик для икон.

⁴⁷ Шушун – русская крестьянская женская одежда, похожая на короткую кофту.

⁴⁸ Петый – предмет, над которым совершили обряд богослужения, сопровождаемый пением; то есть освящённый.

МАТЬ... С НЕОБЫКНОВЕННЫМ ИСКУССТВОМ ВЫСКАБЛИВАЛА НА ЯЙЦАХ ЧУДЕСНЫЕ УЗОРЫ

Отец с тётушками воротился ещё до полудня, когда нас с сестрицей только что выпустили погулять. Назад проехали они лучше, потому что воды в ночь много убыло; они привезли с собой петые пасхи, куличи, крутые яйца и четверговую соль ⁴⁹. В зале был уже накрыт стол; мы все собрались туда и разговелись. Правду сказать, настоящим-то образом разгавливались бабушка, тётушки и отец; мать постничала одну Страстную неделю (да она уже и пила чай со сливками), а мы с сестрицей только последние три дня; но зато нам было голоднее всех, потому что нам не давали обыкновенной постной пищи, а питались мы ухой из окуней, мёдом и чаем с хлебом. Для прислуги была особая пасха и кулич. Вся дворня собралась в лакейскую и залу; мы перехристосовались со всеми; каждый получил по кусочку кулича, пасхи и по два красных яйца, каждый крестился и потом начинал кушать.

⁴⁹ Четверговая соль – соль, которую готовили особым способом (смешивали с квасной гущей или ржаным мякишем и прожаривали в печи или прокалывали на сковороде) в ночь со среды на четверг Страстной недели; соль приобретала чёрный цвет.

Надежда Лухманова

Скарлатинная кукла

В Петербурге стояла весна, солнышко уже растопило снег на крышах домов, но иногда ещё большие хлопья снега снова падали на улицы и тротуары; только этот снег держался недолго: он быстро таял, дворники большими метлами сметали его, а солнышко, выглянув, сушило землю, и тогда все дети спешили гулять.

Всем им хотелось в особенности туда, где были выстроены лёгкие балаганы, в которых три дня продают игрушки, пряники, конфеты, птичек и рыбок. Эти три дня называются Вербными днями. Приходятся они всегда на 6-ю неделю Великого поста ⁵⁰, в конце марта, а иногда и в апреле, когда уже детям не сидится в комнате, а так и хочется погулять.

В одной маленькой квартире, где жила Анна Павловна с четырьмя детьми, было очень шумно: дети смеялись, кричали, приговариваясь идти на «вербу», и каждый хотел купить себе что-нибудь особенное на те деньги, которые мама подарила каждому из них для этого праздника.

Посреди комнаты, уже совсем одетая в коричневый ватный капотик ⁵¹, в шляпке и с муфточкой, стояла пятилетняя Катя и ждала, когда отворится дверь другой комнаты и выйдет оттуда мама, чтобы взять её на руки и снести с высокой лестницы вниз, на улицу. Старшая сестра её, Настя, уже ходившая в гимназию, была тоже одета и теперь повязывала тёплые шарфики на шею двум младшим детям Грише и Соне. Возле детей прыгал маленький такс Трусик, на низких лапочках, вертлявый, весёлый. Он с лаем бросался на детей, хватал их за перчатки, за шубки, и дети, то один, то другой, вырывались из рук Насти и бросались возиться со своим любимцем. Настя уже хотела постучать в комнату мамы и сказать, что все дети готовы, как дверь открылась и вышла Анна Павловна. Катя протянула к матери ручки: «Мама, ну!»

«Ну» и «зачем» были любимыми словами Кати. Восторг, удивление, радость и требования, всё воплощалось в «ну!».

А всякий отказ в её просьбах, всякий выговор вызывали в ней вопрос: «Зачем?» И хотя ребёнок говорил почти всё, эти два слова, с разнообразнейшими оттенками голоса и мимики, слышались весь день.

– Ну, мама! – повторила Катя уже со слезами в голосе, и ротик её pokrивился.

Анна Павловна поглядела на ребёнка и тревожно перевела глаза на Настю.

– Да, мама, по-моему, дитя нездорово. – И старшая сестра заботливо взяла за руку малышку, но Катя капризно вырвалась от неё.

– Гулять, мама, гулять – ну!

– У неё как будто жарок... – заметила Настя.

– Ничего, разгуляется, – решила Анна Павловна, – Гриша и Соня идите вперёд; Трусик, назад, дома!

Дети побежали в прихожую, а Трусик, опустив хвост, растопырив свои крокодильи лапки, почти припадая животом к полу, огорчённый до глубины своего собачьего сердца, поплёлся в кухню, с тайной надеждой погулять хоть с кухаркой, когда она побежит в лавочку.

Сойдя с извозчика у Гостиного двора, Анна Павловна взяла на руки Катю, Гриша с Соней шли впереди. Дети с любопытством и радостью стали разглядывать прелести, разложенные на прилавках открытых лавочек.

⁵⁰ Великий пост – важнейший и самый продолжительный из всех православных постов. Это период подготовки к Пасхе. Установлен в память о том, что Христос постился в пустыне сорок дней.

⁵¹ Капот – женская просторная одежда с рукавами и застёжкой спереди.

КАТЯ КАПРИЗНО ОТВОРАЧИВАЛАСЬ ОТ ВСЕГО, ЧТО ЕЙ ПРЕДЛАГАЛА МАТЬ

Когда Анна Павловна с детьми обходила третью линию, Гриша нёс уже в правой руке баночку с золотыми рыбками и, боясь расплескать воду, шёл осторожно, не спуская глаз с живого золота, игравшего перед его глазами.

Если бы не Соня, которая теперь вела брата под руку, он, от избытка осторожности, наверно споткнулся бы и разбил банку. Соня ещё не покупала ничего, мечтая выпросить у мамы живую птичку. Маленькие сердца детей жаждали приобрести существо, на которое могли бы изливать своё покровительство, уход и ласку. Катя капризно отворачивалась от всего, что ей предлагала мать.

– Мама, – робко остановила Анну Павловну Соня, – купите мне воробушка, у нас есть клетка, мама...

Анна Павловна остановилась у выставки птиц и купила за тридцать копеек куцего, но юркого, весёлого чижа. Получая птичку, Соня радостно вспыхнула и, несмотря на давку, на лету успела поцеловать руку матери, затем прижала к груди крошечную клетку. Брат и сестра, не глядя уже по сторонам, завели беседу о том, как содержать и чем кормить своих новых, маленьких друзей.

Так дошли они до следующего угла, как вдруг Катя рванулась с рук матери и с необыкновенным восторгом крикнула своё «ну!».

Анна Павловна и дети остановились: за громадным зеркальным стеклом, среди массы всевозможных игрушек, стояла кукла, величиною с трёхлетнего ребёнка. Длинные локоны льняного цвета падали ей на плечи; большие голубые глаза глядели весело на детей; громадная розовая шляпа, с перьями и бантами, сидела набок; шёлковое розовое платье, всё в кружевах, пышными складками падало на толстые ножки в розовых чулках и настоящих кожаных башмачках; в правой, согнутой на шарнире, руке кукла держала розовое яйцо; на груди у куклы был пришпилен ярлычок с надписью: «Заводная, цена 35 р.». Анна Павловна сама залюбовалась на игрушку.

– Что, хороша кукла? – спросила она Катю, но та, протянув ручонки вперёд и не сводя с игрушки своего загоревшегося взора, уже кричала:

– Мама, куклу! Хочу куклу! Ну?

Гриша и Соня как взрослые, уже понимающие стоимость вещей, рассмеялись:

– Мама не может купить этой куклы, – заговорили они в голос.

– Зачем? – уже со слезами протестовала малютка и вдруг, охватив ручонками шею матери, начала осыпать её лицо поцелуями. – Мама, куклу! Кате куклу, ну!

Анна Павловна смеялась. Цена 35 рублей была для неё так высока, что ей казалась невозможной, даже со стороны Кати, такая просьба.

– Нельзя, Катюша, это чужая кукла, нам её не дадут; я куплю тебе другую. – И Анна Павловна двинулась дальше.

Когда чудная розовая кукла скрылась из глаз Кати, девочка неожиданно разразилась страшными рыданиями.

– Зачем? Зачем? Куклу! Куклу! – кричала она, захлёбываясь от слёз.

Личико её посинело от натуги, она капризно изгибалась всем телом, чуть не выскользая из рук матери. Растерявшаяся Анна Павловна остановилась, прижавшись к какому-то магазину. Кругом неё уже собралась толпа.

– Ах, как стыдно капризничать, – наставительно сказала какая-то барыня, – такая большая и так кричит!

– Да ваша девочка просто больна, – сказал, проходя, какой-то старик.

«Больна? – слово это испугало Анну Павловну. – Конечно, Катя больна, – оттого её капризы и слёзы. Ах, зачем я сразу не отменила этой прогулки, когда ещё дома у меня мелькнула та же мысль!» – мучилась она. Прижимая к себе плакавшего ребёнка, направляя перед

собою Гришу и Соню, она с трудом выбралась из толпы и, сев на первого попавшегося извозчика, поехала домой, на Васильевский остров.

Извозчик попался плохой, лошадь скакала и дёргала, когда кнут хлестал её худые, сивые бока. Гриша, усевшись в глубине, держал двумя руками банку с плескавшейся водой. Соня, стоя за извозчиком, защищала своего чижа и всякий раз, когда взвизывался кнут, – кричала: «Не бей, пожалуйста, лошадку, извозчик, не бей!» Катя вздрагивала, плакала и в бреду требовала куклу. При въезде на Николаевский мост погода вдруг изменилась: ласково сиявшее солнце скрылось, небо заволокло серой мглой, откуда-то рванулся ветер и осыпал хлопьями мокрого снега и прохожих, и проезжих. Анна Павловна начала укутывать Катю, но малютка вертела головой и ручками, отстраняла капюшон, который мать накидывала на неё. Хлопья снега залепляли её распухшие от слёз глаза и, как клочки мокрой ваты, шлёпались на её открытый ротик, мгновенно таяли и холодными струйками бежали в рот и за шею. Измученная мать обрадовалась, когда наконец извозчик остановился у дома. Гриша сошёл осторожно, улыбаясь тому, что рыбки его доехали благополучно, и, не оглядываясь, направился в подъезд. Соня бежала рядом с ним, шепча взволнованно: «Ты знаешь, он два раза дорогою начинал петь... Я нагнула ухо к клетке, а он там – пи-и...» Дети снова погрузились в заботы о своих питомцах. В этот вечер Катюша лежала в жару, впадая минутами в беспамятство, и Анна Павловна, произнося громко молитвы, чутко прислушивалась, не дрогнет ли звонок, возвещая приход доктора. Доктор наконец пришёл и, заявив, что у ребёнка скарлатина, потребовал немедленного отделения здоровых детей.

– Мама, вам надо будет завтра отвезти Катю в детскую Елизаветинскую больницу «сестрице» Александре Феодоровне, – проговорила Настя, стараясь казаться спокойной.

Анна Павловна с ужасом подняла голову:

– Катю в больницу?

Настя зашла за кресло и обняла мать за плечи.

– Мамоchка, а как же? Разве мы можем дать Кате и ванны, и доктора, и лекарства? Милая, не плачьте! – И Настя, став на колени у кресла, прижала к себе голову рыдавшей матери.

Катюшу отвезли в больницу.

Лампа, под зелёным абажуром, мягко освещает большую комнату с четырьмя беленькими детскими кроватками; занята только одна крайняя. В ней уже пятый день лежит Катя. Личико её горит, сухие губки припухли и растрескались, глазки смотрят странно, задумчиво, и, только когда останавливаются на великолепной кукле в розовом платье, сознание как будто возвращается в них, и Катя лепечет ласковые, нежные слова, прижимая к себе длинные шелковистые кудри, любясь широкими голубыми зрачками. Самое заветное, самое страстное желание ребёнка неожиданно исполнилось: при поступлении в больницу ей положили в кровать двойник чудной куклы, которая на «вербах» так поразила её в окне магазина.

Великолепная «скарлатинная» кукла ещё раз делала своё дело: доставляла покой и радость бедному ребёнку. Года два тому назад одна из богатых «матерей», которые не могут забыть, что на свете есть и бедные, больные малютки, о которых некому заботиться, прислала в детскую больницу целую корзину всевозможных игрушек, в том числе и куклу. Большая розовая кукла попала в скарлатинное отделение и с тех пор осуждена никогда не выходить оттуда.

Сёстры заметили, что ни лекарства, ни уход, ничто так быстро не осушало слёз, не вызывало улыбки на детские губки, как появление в кровати «скарлатинной» куклы, и, если бы её мастиковый ротик открылся, как много чистого, нежного, трогательного рассказала бы эта кукла о тех, которые прощались с ней по выздоровлении, когда радостные матери уносили их домой, и о тех, которые лежали больные, охватив её шею горячими ручонками. Но кукла молчала и всё с той же улыбкой, с тем же выражением голубых глаз переходила из рук в руки, из кроватки в кроватку.

ПРАЗДНИК! ПРАЗДНИК! ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК!

Сестра милосердия, Александра Феодоровна, сидевшая всё время около Кати, встала и, пройдя по комнате,правила горевшую перед образом лампадку и стала на колени у крошеч-

ной кровати. Она знала, что девочка тяжело больна, а мать её, по правилам, не могла оставаться в больнице ночью.

Катя протянула к ней куклу и прошептала:

– Давай играть, ну!

– Давай играть, – улыбнулась сестрица и начала лепетать за куклу, подражая ребёнку.

Наступила пасхальная, торжественная ночь, холодная, но сухая. По улицам, спешно ступая, почти без разговоров, шли группы людей. Куличи, пасхи и крашеные яйца расставлялись по церковным папертям и переходам.

Дрогнул бархатный голос Исаакиевского колокола, и по всем направлениям понеслись кареты на резиновых шинах, развозя нарядных дам и детей по домовым церквам.

Катина мама и Настя, перекрестив спавших Гришу и Соню, тоже спешили к заутрене, чтобы помолиться в толпе, где-нибудь в уголке, откуда виден только лик Спасителя да звёздочкой горевший огонёк лампы. Они пришли молиться о здоровье Кати.

На другое утро пасхальный благовест⁵² разбудил малютку Катю; жар у неё спал, и она в первый раз со вниманием поглядела кругом себя.

Комната, в которой она лежала, была вся белая, чистая, сквозь белые спущенные шторы виден был яркий свет солнца, на кресле возле её кровати лежала сестра милосердия, которая целую ночь не отходила от маленькой больной. В кровати, рядом с девочкой, лежала великолепная розовая кукла. Катя поцеловала её и сказала:

– Тсс, не болтай! Чтоб сестрица не проснулась...

Но как только девочка залепетала, сестрица открыла глаза и с радостью увидела, что у ребёнка нет более жару, что глазки девочки смотрят весело и ясно.

– Христос воскрес, Катюша! – сказала сестрица. – Ты слышишь, как звонят?

Катя прислушалась к весёлому колокольному звону, который, казалось, так и выговаривал: «Праздник! Праздник! Великий праздник!»

– Зачем? – спросила девочка.

– Затем, – засмеялась сестрица, – что сегодня всем будет весело, всем будет большая радость! Великий праздник Христова Воскресения! Придёт доктор и обрадуется, что у тебя нет жару, придет твоя мама и тоже будет счастлива, когда увидит твои светлые глазки и услышит твой весёлый голосок.

– А домой можно ехать, сестрица, сегодня?

– Нет, Катюша, сегодня нельзя, но теперь уже скоро.

– И она поедет со мною? – И Катя обняла розовую куклу.

– Нет, Катюша, кукла никогда не выезжает из больницы, она живёт здесь и принимает к себе в гости маленьких больных девочек – вот таких, как ты. Ты выздоровела и уедешь к своей маме, у тебя есть там другие игрушки, а главное – у тебя есть братья и сёстры, а к нам привозят детей, у которых нет никого, никого близкого и нет никаких игрушек: такая бедная девочка ляжет в кровать, и ей дадут играть эту розовую куклу, она тоже будет с ней спать, угощать её чаем, разговаривать, и ей будет веселее, у неё меньше будет болеть головка. Неужели же ты от больной девочки захочешь унести эту куклу?

Катя молчала; ведь сейчас около неё такой бедной больной девочки не было, а кукла так нравилась ей; она сжала её в объятиях, и бровки её сердито сдвинулись.

После 12 часов к Кате пустили маму и Настю. Обе они не знали, как выразить свою радость при виде выздоравливающей девочки, но их сильно огорчало, что Катя не выпускала из рук куклу и всё время спрашивала о том, надо ли будет ей действительно куклу оставить здесь, когда она пойдёт домой.

⁵² Благовест – колокольный звон перед или во время церковной службы.

В это время приехал доктор; это был добрый старик, с седыми, густыми волосами и весёлыми серыми глазами. Он умел разговаривать с детьми, и маленькие больные любили его.

– Здравствуй, Катя! – сказал он, целуя девочку. – Вот ты и выздоровела, скоро поедешь домой.

– С куклой? – спросила Катя.

– Нет, дружок, эта кукла обещала никогда-никогда не уходить из больницы, она не принадлежит ни тебе, ни мне, а каждой больной девочке.

– Я отдам... – сказала Катя, но вздохнула глубоко и прижала к своему сердцу куклу.

Анна Павловна и Настя вышли от Кати и остановились в коридоре, к ним подошли доктор и старшая сестра.

– Поздравляю вас! – сказал доктор. – Девочка прекрасно перенесла скарлатину, и скоро вы можете взять её домой.

Но сестра заметила печальное лицо Анны Павловны.

– Вы не печальтесь, – сказала она, – я знаю, что вы боитесь Катиных слёз, когда от неё отберут «скарлатинную» куклу, но сегодня такой большой праздник, что надо только радоваться и надеяться на помощь Божию... Бывают иногда и чудеса...

И чудо это совершили доктор и добрые сёстры милосердия. Они знали из рассказов Насти о том, как захворала Катя, знали, как много работала Анна Павловна и как тяжело ей было воспитать своих детей, и они сложились все вместе и купили куклу, если и не такую дорогую, то с такими же локонами, и сами сшили ей такое же розовое платье.

ДИВНО ХОРОША ПАСХАЛЬНАЯ СЛУЖБА!
СМИРЯЕТ ДУШУ И ЗАСТАВЛЯЕТ ПОЗАБЫТЬ И ВРАЖДУ, И ЗЛОБУ, И ГОРЕ

В день, когда приехали за Катей её мама и Настя, девочка простилась с доброй сестрой, обвила её шею руками, поцеловала, простилась с доктором, со всеми другими и наконец снова взяла в руки свою большую «скарлатинную» куклу. Она ей долго шептала что-то на ухо, целовала её, затем положила её обратно в ту кроватку, где лежала сама, и, взяв за руку мать, быстро топая ножками по длинному коридору, ни слова не говоря, пошла к выходу; личико её было очень печально, но она хорошо понимала, что куклу нельзя уносить, потому что в тот день поступила как раз новенькая больная, и ей обещали принести в кроватку розовую куклу.

В швейцарской Катю одели, укутали, и мать понесла её к ожидавшей их у подъезда карете. Настя бежала вперёд, она открыла дверцу, и Катя вдруг вскрикнула от восторга: в карете, как бы ожидая её, уже сидела большая розовая кукла. На этот раз это была её собственная кукла, которую она и везла теперь с восторгом домой.

Константин Ушинский

Светлое Воскресение

Я решился не спать эту ночь; но когда стемнело, братья и сёстры заснули, то и я, сидя в креслах, задремал, хоть и знал, что в зале накрывали большой стол чистою скатертью и расставляли пасхи, куличи, крашенки ⁵³ и много-много хороших вещей.

Ровно в полночь ударили в соборе в большой колокол; в других церквах ответили, и звон разлился по всему городу. На улицах послышалась езда экипажей и людской говор. Сон мигом соскочил с меня, и мы все отправились в церковь.

На улицах темно; но церковь наша горит тысячами огней и внутри и снаружи. Народу валит столько, что мы едва протеснились. Мамаша не пустила меня с крестным ходом вокруг церкви. Но как обрадовался я, когда наконец за стеклянными дверьми священники появились в блестящих ризах и запели: «Христос воскрес из мёртвых!» Вот уж именно из праздников праздник!

После ранней обедни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокруг церкви!

Мы воротились домой, когда уже рассветало. Я похристосовался с нашею нянею: она, бедняжка, больна и в церковь не ходила. Потом все стали разговляться, но меня одолел сон.

Когда я проснулся, яркое солнышко светило с неба и по всему городу гудели колокола.

⁵³ Крашенка – крашеное пасхальное яйцо.

Степан Кондурушкин Звонарь

I

Федя – десятилетний мальчик.

Учится в гимназии и живёт в чужой семье только первый год. И к Пасхе успел до слёз соскучиться по родному дому.

Уже на четвёртой неделе Великого поста дни стали казаться Феде неделями; на пятой – месяцами, а на шестой – целыми годами.

Прошёл первый год – понедельник, второй год – вторник, третий год – среда. На четвёртый год – в четверг – распустили гимназию. И Федя до самого вечера сидел на скамейке около дома, ждал отца.

Отец должен приехать вот по этой улице из-за поворота. Сначала покажется голова Бурого, потом – дуга, сани низкие и широкие, наконец – отец в шубе, немного сгорбленный, с небольшой бородой, в мохнатой шапке... Всё это Федя так хорошо знал, что стоило ему закрыть глаза, как он видел и лошадь, и дугу, и отца. Открывал глаза, и видение пропадало.

Федя играл с мальчиками в бабки, бегал на поворот улицы, где стоял полицейский, смотрел на другую улицу... Всё ждал и не хотел идти в комнату.

Нет и нет.

К вечеру измучился Федя.

Вышел посидеть на скамеечку в старом меховом пальто дедушка Василий Игнатьевич.

– Ты что здесь сидишь, Федя? Всё отца ждёшь?.. Иди, Надя тебя ждёт чай пить. А ночью и отец твой придет.

Василий Игнатьевич – вдовец. Живёт со своей дочкой Надей. После смерти жены, Надеиной мамы, сразу постарел, службу бросил, сидел постоянно дома, читал газету или книжку, а по вечерам учил с Федей и Надей уроки.

Надя с Федей – однолетки. Им по десять лет. Но Надя в доме хозяйка. У неё большая, тугая коса на спине, ключи от шкафов. Она вынимает из шкафа и даёт Феде конфетку, пряник.

Когда Федин отец привёз Федю в город, то так и сказал Наде:

– Вот вам, Надежда Васильевна, мой Федя. Поберегите его.

Если Надя с Федей ссорились, то Федя язвил и называл Надю хозяйкой, Надеждой Васильевной.

НАДЯ С ФЕДЕЙ – ОДНОЛЕТКИ. ИМ ПО ДЕСЯТЬ ЛЕТ.
НО НАДЯ В ДОМЕ ХОЗЯЙКА

А у Нади для Феди была дразнилка:

Федя-бредя
Съел медведя.
Упал в яму,
Кричал маму:
«Ма-а-а-ама!»

Жить Феде было хорошо: уютно, любовно, как в родной семье. Василий Игнатьевич его любил и ласкал как отец. Надя, сама ребёнок, а о Феде заботилась, и была ему вместо старшей сестры. Они ссорились и мирились, ходили в гимназию, учили вместе уроки, мечтали.

II

Василий Игнатьевич оказался пророком. Федин отец приехал ночью, часов в десять, и говорил, что надо выехать из города раньше, потому что соседняя балка налилась тающим снегом, того и гляди потечёт и задержит в городе на несколько дней. А по морозцу проехать можно.

Василий Игнатьевич с Фединым отцом пили чай, а Федя с Надей собирали Федины вещи. Федя без умолку рассказывал Наде о маме, о своём селе, братьях, сёстрах, о бабушке, о Буром.

Бросили укладываться и побежали здороваться с Бурым.

Бурый жевал сено и покосился на детей большим, чёрным глазом, фыркнул и тряхнул ушами. Дескать: «Здравствуй, гимназист! Поди, соскучился здесь?»

Федя засмеялся от радости и поцеловал Бурого около глаза, где от жевания поднимался и опускался какой-то шарик. Бурый мотнул головой и хапнул ртом новую пачку сена. Дескать: «Не привык я к таким нежностям, да и есть хочу до смерти».

– Бурый, он умный! – убеждал Федя. – Он такой умный, всё понимает, вот только говорить не умеет. А ещё у нас есть Валетка, вот тоже умный! Смеётся и мёртвым притворяться умеет. А ещё кот большой Гурма... Гурма, тот уж совсем умный. Его даже Валетка боится...

И опять Федя без конца рассказывал Наде о своём доме.

Надя помогала укладывать Феде книги и бельё и завидовала, что у него будет такая весёлая Пасха. Ей стало досадно, что противный Федюк – такой весёлый и всё рассказывает только о себе да о своём доме. Она встала, бросила книжку на стол и, прищурившись на Федю, сказала:

– Некогда мне тут болтать с тобой. Нужно по хозяйству.

Надя обиделась – это ясно. Федя бросил на пол бельё и побежал за Надей.

– Надя, Надя! Голубушка, душенька! Ты сердисься, Надя? За что? А ты не сердись, Надя, миленькая...

Надя посмотрела на разгоревшееся Федино лицо, с умоляющими глазами, и ей стало радостно, весело и смешно. Она засмеялась до слёз и крепко сжала Федину руку.

– Да я не сержусь, право не сержусь, глупенький... Пойдём укладываться.

Дети снова укладывали вещи. Болтали.

– Хорошо бывает на Пасху ночью, – мечтала вслух Надя. – Тихо на улицах. Все сидят и ждут. И вдруг: бом-м-м.

– Бом, бом, бом! – радостно подхватил Федя.

– И знаешь, Феденька, ударит так, точно с неба упадёт: бом-м-м! И все зашевелиятся. Кто спал – проснётся, кто сидел – встанет... Даже Мурка наша проснётся и давай умываться лапкой. Весело так, хорошо. Всем скажет колокол, всем, всем... Бом-м-м!

Федя, надувая красные щёки, гудел перед Надей:

– Бом-м, бом-м!

– Хорошо бы, Федя... Вот бы хорошо!..

– Что хорошо?

– Хорошо бы!.. Ударить... Знаешь, первый раз ударить в колокол... Чтобы все услышали!.. Весь город спит. На Волге и за Волгой тихо-тихо. А ты стоишь на колокольне и смотришь кругом. Все ждут, а ты стоишь и за язык колокола держишься... Ах, Федя! Понимаешь, как это хорошо!.. Люди внизу ждут, а ты – наверху, около звёзд, держишься за колокольный язык. И вдруг: бом-м-м! Все вскочат, все обрадуются. Феденька, вот хорошо бы ударить! Да нет, где уж...

– Надя! Я могу. Милая, я ударю!

– Где тебе... – не поверила Надя.

– Ударю, ей-богу ударю! Первый ударю!.. У нас в селе сторож церковный, Родивон. Он меня возьмёт, и я ударю.

– Как хорошо, Федя!.. Только я не услышу, – опечалилась Надя. – От вас далеко до нас...

– А ты, Наденька, ухом к земле. Вот и услышишь. Через землю далеко слышно, за сто вёрст слышно... Я ударю, я ударю!

Надя с Федей взялись за руки и кружились около раскрытого чемодана с Фединым бельём и звонили вместе:

– Бом-м, бом-м, бом-м!

Федя таращил глаза и надувал щёки, думал, что звонит басом. А Надин голос тянулся ровный и звонкий как нежная струна.

Потом Федя трезвонил над головой невидимыми маленькими колоколами.

– Тилим-бом, тилим-бом, тилим-бом.

– Бом-м, бом-м, бом-м! – вторила тягучими, важными ударами Надя.

III

Рано утром Федю сонного посадили в сани.

Поехали. Улицы города пустынные и звонкие. Чистый, холодный воздух и шуршание ледяшек под полозьями разбудили Федю. И пробуждение это было радостное, счастливое.

Домой, домой!

Тут только вспомнил Федя, как его одевал Василий Игнатьевич, как встала и прощалась с ним Надя и шепнула на ухо:

– Так ударь, Федя, зазвони! Слышишь!..

«Милая Надя! – думал Федя. – Да, да, я ударю, я зазвоню!»

На минуту ему стало грустно, что нет Нади, что он прощался с ней сонный. Но это только на минуту. Очень радостно было, и никакая печаль не могла завладеть душой.

Выехали за город. Хрустит подмороженная дорога. Весело фырчит Бурый. На востоке кто-то большой кистью проводит зелёные, синие, розовые полосы. Уже чирикает невидимая ранняя птичка. А из города вдогонку несётся неторопливый постный звон.

«Я ударю, Надя! Ударю, милая! Я зазвоню», – говорит Федино сердце и радостно бьётся.

С восходом солнца стало ещё веселее. Дорога сразу обмякла. Под ледяными стёклами забуrowили ручейки. Подул тёплый вешняк, и деревья радостно замотали талыми ветвями.

На перелеске, около дороги, осела стая грачей. Они только что прилетели из тёплой страны, ещё не успели разместиться, бранились и дрались из-за прошлогодних гнёзд.

Грачи привели Федю в восторг. «Весна, весна!» – кричал он, каркал по-грачиному и махал руками точно крыльями. Спрыгнул с саней и бежал вместе с Бурым. Отбегал в сторону

и с разбегу кидался в сани. Отец любовно ворчал на Федю, боялся, как бы он не провалился в яму с талым снегом.

И Феде казалось, что всё кругом звенит тихим, радостным звоном. Ветерок звенит, земля звенит, голубое небо звенит, и в душе у него так радостно, хорошо звенит Надин голос:

– Бом-м, бом-м!

Но всё теперь звенит пока тихо. А вот когда Федя ударит в пасхальную ночь первый раз в большой колокол, тогда громко зазвенит вся земля, загудит небо, проснутся леса и реки, поля и балки, загудят Феде хвалу:

– Федя, спасибо тебе, ты зазвонил. Ты разбудил нас от зимнего сна.

Заструился светлый пар над землёю. Из-под снега тёмными пятнами проступила мокрая земля. Недалеко от дороги большой холм, весь чёрный и на верхушке сухой. Федя побежал туда.

ДОМА ФЕДЯ И ОГЛЯНУТЬСЯ НЕ УСПЕЛ, КАК ПРИШЛА ПАСХА

От холма поднимался густой пар, будто он в середине горел и весь дымился. На солнечной стороне пробилась и зазеленела травка, и – о, радость! – появился белый подснежник. Федя посмотрел на сани. Отец не видит. Быстро нагнулся, опёрся руками в жирную землю и поцеловал белый цветок... Как он любил этот маленький, нежный цветок и зелёную траву! Как рад был он солнцу, синему небу, маленькой птичке, которая летала с былки⁵⁴ на былку и чирикала весеннюю песню.

IV

Дома Федя и оглянуться не успел, как пришла Пасха. Дома надо было осмотреть каждый уголок: сходить к Бурому в конюшню, к коровам и овцам в хлев, в курник к курам. Надо заглянуть и в амбар, и на огород, сбегать на речку, к знакомому сапожнику, к товарищу Митьке – мало ли дела!

Всюду Федю провожал Валетка. Раньше этого Валетка никогда не делал. Он ходил только с Фединым отцом, с матерью. Федей пренебрегал. А теперь Федя – гимназист, гость из города! Валетка бросил свою важность и, почтительно помахивая хвостом, следовал за Федей и в амбар, и в курник, и в хлев.

Коровы пялили на Федины светлые пуговицы выпуклые глаза и от изумления прочищали языком ноздри. Овцы испуганно топали ногами и шарахались в кучу. Валетка звонко позёвывал, отворачивался и лениво рассуждал хвостом: «Чего, Федя, смотреть на них: невежественные овцы... Мужичьё... Навоз. Пойдём лучше на реку».

Бежали на реку. Речушка потрескалась и вздулась. Вот-вот тронется. По ней уж никто не ходит и не ездит. Берега обсохли. На них по вечерам сидят парни, девки, старики. Ждут полый воды⁵⁵.

Но между всеми этими делами и заботами Федя не забывал Родивона-звонаря. С ним он целую неделю ведёт переговоры:

– Только один первый раз ударю, Родивон! Один раз я, а потом ты...

Родивон – мужик на вид мрачный, скуластый, сухощавый. Борода у него редкая и жёсткая как лошадиный хвост. Лицо всегда покрыто тёмными веснушками, будто вымазано чёрной зернистой икрой. Он не отказывал Феде, но ни разу и не сказал, что согласен.

Так тянулось до самой Страстной субботы. Нетерпение Федино возросло до крайности. Он и во сне и наяву слышал Надин голос:

– Ах, хорошо бы, Федя, зазвонить!

И в ушах у Феде всё время был какой-то звон. Звенел вечер, звенело утро. Целый день звенело солнышко, звенела река. Точно первый раз в своей жизни он встречал весну, – так всё хорошо, радостно и звонко было на душе.

Только вот Родивон беспокоил.

Наконец Федя решил на последнее средство. У лавочника, Кузьмы Иваныча, купил восьмушку⁵⁶ волокнистого табаку и пошёл к Родивону.

Но в Страстную субботу переговорить с Родивоном было трудно. Он целый день занят в церкви, у священника в доме. Куда-то ездил, ходил и только к вечеру пришёл в свою сторожку, сел на жёлтую, сырую после мытья лавку, свернул и закурил сигарку, пуская дым сквозь жёсткие усы.

Вот тут-то и настиг его Федя.

– Родивон... Вот я тебе... на праздник табачку купил...

⁵⁴ Былка – былинка, стебелёк.

⁵⁵ Полая вода – вода реки, разливающаяся весной из-за таяния снега и льда.

⁵⁶ Восьмушка – восьмая часть фунта (около 450 граммов), то есть чуть больше 50 граммов.

Федя положил восьмушку на стол и густо покраснел.

– Это хороший табак, Родивон, асмоловский волокнистый...

Под тёмными веснушками Родивоново лицо затеплилось лаской.

– Так вот, Родивон, ты на Пасху и покури, душистого табачку, асмоловского... А махорка
вонючая... Покуришь, Родивон? А?

– Ну, ладно уж, ладно... – сказал наконец Родивон.

– Можно, Родивон, да?

– Можно.

Федя ликовал. Залез к Родивону на колени и целовал его в жёсткую бороду.

– Ты погоди, рано ещё христосоваться-то, – шутил Родивон.

– Как же мне, Родивон, с тобой на колокольню попасть?

– Ты ночь-то уж не спи.

– Нет, Родивон, какой тут сон!

– Так вот и приходи сюда около полночи. Вместе и пойдём.

V

Сильно билось Федино сердце, когда он поднимался с Родивоном по крутой лестнице на колокольню. Сделали два поворота – площадка. Они уже вровень с крышами домов. И светлее стало. Ещё два поворота – опять площадка.

Родивон идёт молча и только изредка творит молитву.

– Господи, помилуй, Господи, помилуй!

Феде жутко смотреть в тёмные углы колокольни. Завозится и закурычит спросонья в гнёзде голубь – Федя так и вздрогнет.

– Родивон, подожди минутку!..

Чем выше поднимались, тем шире и звонче становилось у Феде на сердце. Родивон вылез на площадку. Вот и Федя выглянул.

ЛАСКОВО СМОТРЕЛИ НА ФЕДЮ ЛЮДСКИЕ ГЛАЗА.
ВСЕ ЛЮБОВНО ХРИСТОСОВАЛИСЬ С НИМ...

Посреди верхней площадки на толстом кресте из брёвен висел тяжёлый призывный колокол. А вокруг него по оконным пролётам развешаны другие колокола поменьше.

Так вот он какой большой колокол, этот Божий глас! А снизу, с улицы, он видится совсем маленьким. Одутлые, засиженные голубями, бока, тяжёлый язык с верёвкой... Дотронулся Федя пальцем до толстого края, – по всему колоколу побежал шепотком тихий звон.

Жутко и сладостно.

Родивон облокотился на подоконник и смотрит на село.

Длинными рядами расползлись по снегу чёрные дома, мигают красными глазами-окнами. Феде кажется, что все дома смотрят на колокольню, на Федю, и ждут.

Шуршит льдинами река. Ворочается подо льдом, поднимается, выпирает наверх, на берега, тяжёлые льдины. Вот-вот тронется и потечёт. Но и река ждёт, когда Федя ударит.

Вокруг колокольни носится, вьётся звонкий шорох, будто кто шепчется, целуется, летает вокруг. Это ангелы летают у крестов, в окнах над головами Родивона и Феде, над колоколами. Дотронется ангел крылышком до колокола – зазвенит колокол ласковым шепотком.

Ждут все люди, ждут поля, леса, ждёт Надя... Федя, скоро ли ты ударишь?

А у Феде от нетерпения дрожь по всему телу идёт.

– Скоро ли, Родивон? – шепчет Федя.

– Надо вдарить! – говорит Родивон. – Вон батюшка лампу на окошко поставил. У нас с ним уговор: когда он лампу на окошко поставит, значит – пора.

Радостно задрожало Федино сердце. Обвилось холодком. Родивон снял шапку, перекрестился трижды и сказал: «Господи, благослови!»

– Ну, звонарь, звони! – шутит Родивон.

Федя взялся за верёвку и начал раскачивать язык. Сначала трудно было: язык тяжёлый, неповоротливый. А потом раскачался – не остановить. Вот уж до краёв долетает.

– Надя! Слышишь ли, милая Надя?..

И вдруг:

Бом-м-м-м!..

Федя выпустил верёвку и упал на пол от неожиданности. Такой большой, могучий и оглушительный родился звук.

Разломилась пополам тишина. Загудело всё село. Зазвенело поле, гулко зазвучал далёкий лес. Всё радостно задрожало, запело, заговорило:

– Федя, спасибо тебе, ты ударил! Ты разбудил!

А Родивон подхватил верёвку и начал звонить часто, радостно:

Бом, бом, бом, бом.

В восторге мальчик вскочил и упал грудью на подоконник.

Задвигались в селе огоньки. Кое-где по улицам показались чёрные комочки. Это – люди.

А под небом гудело. Колокольные удары неслись в далёкое поле. Феде казалось, что они походят на быстрых, белых коней. Кони эти несутся по деревне, по полям, по лесам, скачут во все стороны, машут белыми гривами.

И всё отзывается на гулкий бег. Всё звенит, радостно ликует и кричит:

– Спасибо тебе, Федя, ты зазвонил!

«Надя, Надя, милая! Слышишь ли, Наденька?» – пело Федино сердце.

Федя почувствовал, будто кто-то невидимый, упругий щупает его со всех сторон, бегаёт по всему телу. Стало жутко и страшно.

– Родивон, Родивон! – хочет закричать Федя.

Разевает рот, кричит, а голоса не слышно.

Стало ещё страшнее. Куда пропал голос?

А невидимый всё щупает, бегаёт пальцами по телу, мягко толкает при каждом ударе колокола.

– Родивон!..

Ничего не слышно. Федя подходит к Родивону. Родивон ласково обнимает его свободной рукой, разевает рот. Что-то говорит, но тоже ничего не слышно. Улыбается.

Федя понял, что голоса нет от звона. Щупает и толкает тоже звон. Он подошёл к другому окошку и, счастливый, радостный, начал смотреть вниз.

Вместе со звоном тронулась и потекла река. Торжественно поплыли мимо церкви белые горы снега, тяжёлые льдины. Тянулись без конца и уносили с собой в ночную даль радостные звуки.

Бом, бом, бом!

Пела земля. Звонило небо. Скакали во все стороны мира белые кони, махали белыми гривами и радостно, звонко ржали:

Бом, бом, бом!

«Надя, милая! Слышишь ли?» – думал Федя.

VI

Тихо ждали полночи в городке, в доме Василия Игнатьевича. Сам он в очках читал какую-то книгу. А Надя примеряла новое платье, ходила по комнатам и наводила везде окончательный порядок. Сорвёт сухой листок с герани, поставит в ряд непослушный стул, обдёрнет занавеску... И всё думала о Феде.

К полночи прилегла на кровать и незаметно заснула.

Василий Игнатьевич читал молча книгу. Иногда усталые глаза поднимались поверх очков, переходили от книги на лик Богоматери, освещённый лампадой, и наполнялись тихими слезами.

Снова опускались на очки и медленно, вдумчиво ходили по чёрным строкам священной книги.

В кухне тоже тихо. Видно, и кухарка Агафья задремала в ожидании.

Спит на стуле кошка Мурка. Розовеет и улыбается во сне Надино личико.

Вдруг Надя вскочила и радостно закричала:

– Папа! Федя ударил! Я слышала...

РАДОСТНО ЗВОНИЛИ ОБА МАЛЕНЬКИХ СЕРДЦА ОДИНАКОВЫМ ЗВОНОМ

В это время над городом гулко прокатился первый удар соборного колокола.

Бом-м-м!

– Федя раньше ударил, папа, – радостно кричит Надя. – Я слышала! Федя зазвонил!..

– Ну, успокойся, милая деточка, успокойся! Во сне это было, – говорит Василий Игнатьевич.

– Нет, нет, папа! Не во сне! Я слышала, Федя ударил!

Пело и звонило Надино сердце. Шелестело новое платье. Проснулась Мурка и радостно мурлыкала около ног.

«Ударил, зазвонил! Бом!» – пело у Нади, всё тело становилось лёгким и готово было летать, летать.

Весело собирались в церковь.

VII

Родивон звонил. Потом трезвонил. Вокруг церкви ходили со свечами. Сверху казалось, что в огненном озере плавают тёмные люди и поют:

– Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех...

Ангелы пели, летали вокруг колокольной, задевали крылышками за колокола. И колокола отвечали им звучным приветным шёпотом.

Шуршали льдины и плавно проходили между звонких берегов.

А белые кони, разметав гривы, всё ещё скакали по земле, и долго под небом раздавался затихающий гул копыт.

В церкви ярко горели свечи. Ласково смотрели на Федю светлые лики святых и людские глаза. Все любовно христосовались с ним и благодарно целовали.

– Христос воскрес, Федя! Спасибо тебе, ты зазвонил, ты разбудил.

Утром с великою любовью поднималось над воскресшей землёй солнце и долго радостно играло на горизонте.

И целую неделю пело Федино сердце. Ликовала, ласкала и благодарила вся природа. Поднималась выше и выше река и несла на своей спине белые кучи снега. Синело небо. Зеленела травка. Слетались птицы и весело кричали, щебетали, стрекотали, порхали в саду.

А Федино сердце радовалось. Он ударил, он разбудил всех.

* * *

С большим волнением подъезжал Федя в городе к Надиному дому. Слыхала ли Надя? Ждёт ли?

У калитки виднеется розовое платье. Надя. Увидела. Бежит, смеётся, кричит, машет руками:

– Федя, я слышала. Ты ударил...

Федя говорил с радостной гордостью и важностью:

– Да, я ударил!

А самому так и хочется на одной ноге запрыгать.

Остановилась лошадь. Надя вскочила в тарантас.

– Христос Воскресе, Федя... Я слышала! В самую полночь ты зазвонил: бом!

Радостно звонили оба маленьких сердца одинаковым звоном.